ХЭММОНД
ИННЕС
ИСЧЕЗНУВШИЙ
ФРЕГАТ

Хэммонд Иннес
Исчезнувший фрегат

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17277332
Иннес Х. Исчезнувший фрегат : роман: ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”»; Харьков, Белгород; 2015
ISBN 978-966-14-9112-9, 978-5-9910-3228-5

Аннотация

Безмолвные льды Антарктики хранят много тайн. Одна из них – загадочный старинный фрегат, столетие назад попавший в плен ледяных торосов. От одного вида этого застывшего белого призрака стынет кровь… На поиски затерянного во льдах парусника снаряжается экспедиция. Несколько отчаянных смельчаков готовы рискнуть жизнью и отправиться в край вечного холода, чтобы раскрыть загадку корабля. Но, когда они доберутся до цели, тайна заставит их содрогнуться…

Содержание

I 5
Глава 1 5
Глава 2 29
Глава 3 46
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Хэммонд Иннес
Исчезнувший фрегат

Памяти Дороти, сопровождавшей меня лишь до середины этой книги

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Публикуется при содействии The Peters Fraser and Dunlop Group Ltd and The Van Lear Agency LLC

© Hammond Innes, 1991

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2015

«Старинный деревянный корабль. В этом я уверен. Мачты отсутствуют. Лишь пеньки, покрытые льдом. И рулевой, примерзший к штурвалу. Призрак человека и призрак корабля, и все под белым одеялом. А потом все исчезло…»

Таковы были последние строчки, записанные гляциологом, которого нашли на дрейфующей льдине в море Уэдделла, строчки, приподнявшие завесу тайны над страшной историей, сокрытой от остального мира льдами и штормами Антарктики.

У загадочного шотландца Айана Уорда достало дерзости и храбрости, чтобы выяснить правдивость роковых слов погибшего исследователя. Его подозрительное богатство вызывает вопросы у остальных, но это не помешало смельчаку приобрести ржавеющее судно под названием «Айсвик» и, подняв над ним парус, выйти из порта Пунта-Аренас в ледяную неизвестность…

Мог ли корабль уцелеть, простояв столетие затертым во льдах? Удастся ли разгадать эту темную зловещую тайну, похороненную в замороженных пустынях Антарктики?..

I
Удачливый игрок

Глава 1

Январь укрыл Восточную Англию[1] белой пеленой. Снегопад продолжался, устилая мелкой крупой плоскость аэродрома, ангары со свисающими с крыш сосульками, и лишь расчищенная взлетно-посадочная полоса черной линией рассекала скованную морозом заснеженную округу. Отапливаемое помещение гауптвахты я посетил последним. Доски под окошком дежурного были поражены сырой гнилью, дверные притолоки источены червями, сами двери также подгнили внизу. Сделав отметку в планшете, я на минуту задержался, просматривая все свои записи.

Сопровождавший меня при обходе столовых и казарм старший сержант вернулся, поговорив с кем-то по телефону.

– Полковник приглашает вас выпить с ним перед вашим отъездом.

Я ничего ему не ответил, сосредоточившись на своих рабочих заметках, перепроверяя, ничего ли не упустил. Двадцать три страницы записей, а завтра я должен буду подвести общий итог, написать отчет и, разумеется, составить смету. Эта старая военно-воздушная база была в основном построена в годы войны, необработанную древесину дверей и окон латаных-перелатаных казарм защищал лишь слой краски. Были также бараки, стены которых уже начали превращаться в труху. Работы здесь был непочатый край, и от моих расчетов зависело, возьмет ли «Петт и Полдис» этот подряд и получит ли от него прибыль. Кроме того, это моя первая крупная экспертиза после того, как у компании сменился владелец.

Я закрыл планшет. Сержант повторил приглашение, и я поинтересовался, почему полковник? Я и раньше работал с базами Королевских военно-воздушных сил, и мою деятельность всегда контролировал подполковник, и ни разу полковник, начальник авиабазы.

– Не могу знать, сэр.

Он глянул на часы, стоявшие на столе.

– Он ждет вас в офицерской столовой. Так что, если вы закончили, я вас провожу.

Был уже второй час, и ни малейшего потепления, когда мы шли по обледенелой дороге, мимо вахты, где охранники, спасаясь от холода, набились в свою застекленную будку. Морозный ветер приносил оглушительный рокот прогреваемых двигателей, выдыхаемый нами воздух превращался в облака пара. Грейт-Уз[2], должно быть, сегодня подмерзнет вдоль берегов до самого Кингс-Линна[3], и моя маленькая яхта, пришвартованная в одной из проток солончаков в Блейкни[4], окажется вмороженной в лед.

Полковник, высокий темноволосый мужчина с орлиным носом на иссеченном грубыми морщинами лице, ожидал меня в баре. С ним также были подполковник и майор, но он меня им не представил, и они удалились сразу же, когда полковник спросил меня, что я буду пить. Я попросил виски с имбирным вином.

– Знаете толк, – кивнул он. – А у меня сегодня полет.

---

[1] Восточная Англия – один из девяти официальных регионов Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. Выходит к побережью Северного моря. (Здесь и далее примеч. пер.)

[2] Грейт-Уз – река в Восточной Англии, впадающая в залив Уош.

[3] Кингс-Линн – город-порт в устье реки Грейт-Уз.

[4] Блейкни – поселок на восточном побережье Англии.

Сам он пил апельсиновый сок. В баре царил сумрак, включили свет. Как только мне вручили выпивку, он повел меня к столику в дальнем углу зала.

– Я полагаю, вы немало знаете о кораблях. О деревянных кораблях.

Он указал на стул, предлагая присесть.

– Вы имеете в виду парусники?

Он утвердительно кивнул. Я сказал, что мне приходилось бывать на некоторых.

– То были учебные парусные суда.

Благодатное тепло достигло моего желудка.

– Кроме того, у меня есть собственная лодка. Деревянная, не из стекловолокна. А что?

– Старинные корабли, – продолжил он, не отвечая на мой вопрос. – Оснащенные прямыми парусами.

Он расстегнул карман форменной куртки и вынул несколько сложенных листков.

– Год назад в это же время я был на Фолклендских островах[5].

Полковник помолчал, глядя в бумаги. Его мысли, по-видимому, блуждали в прошлом.

– Странное место, – пробормотал он. – Самое необычное из всех, где мне доводилось нести службу.

Он поднял голову, снова устремив на меня взгляд.

– Как вы полагаете, сколько времени может просуществовать деревянное судно в Антарктике, в тех холодных условиях?

– Не знаю, – ответил я. – Зависит от множества факторов: от вида древесины, из которой построен корпус, ее состояния, от широты, о которой идет речь, от перепада температур. Кроме того, – прибавил я, – нужно знать, сколько месяцев в году древесина подвергается воздействию мороза и особенно погружена она в воду постоянно или нет. Если к ней имел доступ воздух…

Я замолчал в нерешительности, пытаясь угадать ход его мыслей.

– Слишком много неизвестных. Нельзя ничего утверждать, не зная всех обстоятельств.

Кивнув головой, он раскрыл сложенные листки и разгладил их на колене.

Это были фотокопии чего-то, подобного страницам из записной книжки, чрезвычайно измятым и исписанным торопливым почерком, разобрать который со своего места я был не в состоянии.

– Вы ведете речь об останках кораблей, все еще находящихся в районе Фолклендских островов. Я правильно вас понимаю?

Один из руководителей нашей фирмы ездил туда, когда пароход «Великобритания» готовили к длительному буксированию назад в Бристоль, в старый сухой док, где судно было построено. Он демонстрировал снимки, сделанные им в командировке, и, поскольку консервация древесины по-прежнему является основной специализацией компании, на слайдах было много поврежденных и брошенных судов, снятых крупным планом, встреченных им в районе островов.

– Если вам нужна информация о старых судах на Фолклендских островах, вам лучше поговорить с Тэдом Элтоном, – посоветовал я ему.

– Нет, не в районе островов. Я не знаю, где именно, вот в чем трудность.

Он постучал пальцем по листкам в своей руке.

– Это записи из блокнота гляциолога[6]. Их нашли при нем после гибели, и я сделал с них копии, прежде чем его вещи отослали назад в Лондон.

Полковник передал листки мне.

---

[5] Фолклендские острова – архипелаг в юго-западной части Атлантического океана.

[6] Гляциология – наука, изучающая лед во всех его формах.

– Он, вероятно, находился в кабине пилотов, ожидая, когда покажется шельфовый ледник, в противном случае он бы его не увидел. Или он ему померещился? – медленно прибавил он.

– Что? – не понял я.

– Корабль. Большой парусный корабль, запертый льдами.

– Старинный корабль? Вы говорили о старинном судне с прямыми парусами.

Он утвердительно кивнул.

– Прочтите, что он об этом пишет.

Я взял листки и поднес к свету. Всего их было три, соединенных скрепкой, и первые слова, бросившиеся мне в глаза, были следующие:

«Мачты отсутствуют, разумеется. Лишь пеньки, покрытые льдом, равно как и палуба. Я смог разглядеть лишь общие очертания. Старинный деревянный корабль. В этом я уверен. К сожалению, моя фотокамера осталась в хвостовом отсеке вместе с остальным оборудованием. Три мачты и что-то похожее на орудийные порты [7] *, пустая обледенелая палуба с полуразрушенными фальшбортами, а позади штурвала…»*

Я перевернул страницу. Почерк резко стал очень неровным, почти нечитаемым, как будто самолет вошел в зону турбулентности.

«…фигура человека. Рулевой, примерзший к штурвалу. Вот на что это было похоже. Призрак человека и призрак корабля, и все укрыто белым одеялом снега и льда, видны лишь очертания. А потом все исчезло, осталось лишь слепящее глаза сияние льда. Я почти решил, что мне это померещилось, но именно так это и выглядело…»

На третьей странице он сделал схематический набросок судна.

– Вы показывали это кому-либо, кто разбирается в старинных кораблях? – спросил я полковника.

– Лично я нет, – ответил он. – Но Национальный морской музей дал свое заключение по этому вопросу. По их мнению, корабль похож на фрегат начала девятнадцатого века. Безусловно, это в значительной мере догадки. Рисунок слишком примитивный, чтобы говорить наверняка, и у них возник вопрос, который задает каждый, кто читал эти записи: действительно ли Сандерби видел корабль или то была галлюцинация. Его звали Чарльз Сандерби.

Он замолчал, теребя мочку уха.

– Перед тем он был в отпуске по болезни, очевидно, психического свойства, – сказал он неуверенно. – Результат проведенной на Мак-Мёрдо[8] зимы. Он проделал несколько поездок на снегоходе по паковому льду[9] к айсбергам, исследуя массивные напластования, формирующиеся, когда новый слой льда нарастает поверх более старого.

Повернув голову, он вдруг пристально на меня посмотрел.

– Итак, возвращаюсь к своему вопросу: могло ли судно конца восемнадцатого или начала девятнадцатого века просуществовать почти два столетия в той части света? Насколько мне известно, на Аляске и на севере Канады, где нет термитов, дерево сохраняется почти что вечно. Лафеты из Форт-Черчилля относятся к годам становления «Компании Гудзонова залива»[10].

– Это в значительной степени зависит от уровня влажности в летние месяцы, – заметил я. – Но даже если дерево уцелеет, что будет с кораблем в целом?

Он кивнул, соглашаясь.

---

[7] Орудийный порт – отверстие в борту судна для стрельбы из орудий.

[8] Мак-Мёрдо – антарктическая станция.

[9] Паковый лед – многолетний полярный лед.

[10] Основана в 1670 году.

– С учетом того, какие там ветры, вы, видимо, правы. Но я встречался с этим человеком. Мы с ним выпивали накануне его отъезда.

Полковник помолчал, задумчиво глядя в свой стакан.

– Странно было то, чего он боялся. Поэтому я так хорошо это запомнил.

Он говорил не спеша, предаваясь воспоминаниям.

– Гляциолог, он боялся льда. Поэтому он ездил в отпуск домой, чтобы разобраться с этой проблемой. Или у него было какое-то предчувствие? Вы верите в вещи подобного рода?

Он взглянул на меня широко открытыми серыми глазами. «Он явно не из тех, кому ведом страх», – подумал я.

– Бедолага, – сказал он. – Я едва не дал ему свой амулет, который получил от одного эфиопа, перед тем как тот умер. Мы возвращались из рейса за зерном и рисом в Джибути. Я втащил его на борт в последнюю минуту, плюнув на правила. Думал спасти одного из тех горемык. Но ничего из того не вышло, и он мне дал вот это…

Он засунул руку себе под рубаху и вытащил напоминающее цветок подсолнечника лицо, вырезанное из какого-то бледного камня.

– С тех пор всегда его ношу, – сказал он и прибавил: – У всех нас бывают моменты, когда нужно ухватиться за что-нибудь – что-то такое, способное вселить уверенность, что удача еще не отвернулась. Так что я так и не дал его ему, и его самолет исчез во льдах.

Полковник засунул амулет назад под рубаху и снова замолчал.

– Когда это случилось? – спросил я его.

– Что? А, самолет. Значит так, я здесь уже почти шесть месяцев, а это произошло как раз перед тем, как я вернулся с базы на Фолклендских островах. Удивительно, знаете ли, ведь он по чистой случайности попал на тот рейс. Он летел откуда-то из Штатов на самолете военно-воздушных сил Аргентины. Он был аргентинцем. По крайней мере, так было записано у него в паспорте. В действительности он был из Северной Ирландии. По натуре, я полагаю, настоящий пуританин. Он высадился на уругвайской базе в Монтевидео, потом пересел на наш самолет, возвращающийся на базу для замены двигателя. Череда случайностей – каждый перелет, как прыжок с камня на камень, приближал его к катастрофе, последним шагом стала его пересадка на тот американский борт. Он приземлился на моей базе из-за неполадок в электрической системе и, как только наши механики ее устранили, полетел дальше, и больше его никто не видел.

– Как же тогда к вам попала его записная книжка? – спросил я.

– Большой германский ледокол нашел их тела. Они были на большой старой плавучей льдине примерно в тридцати милях к северо-западу от шельфового ледника. Недалеко от того места, где погиб «Эндьюранс» Шеклтона[11]. Ни самолета, ни бортового регистратора, ничего, что могло бы подсказать, что произошло, только лежащие тела, как будто они только и успели выбраться сами на лед, прежде чем утонул их самолет.

Он снова коснулся пальцами мочки своего левого уха.

– Очень странно. Вся эта история очень странная. Кроме записей Сандерби о состоянии льда и рассказа об этом удивительном «Летучем голландце», никаких иных письменных свидетельств о том, что случилось во время того полета, нет.

Полковник вздохнул.

– Могло ли ему это все привидеться? Он ученый, очень точен в своих формулировках…

Он помолчал, качая головой.

– Что ж, теперь это уже все в прошлом и очень далеко отсюда. Очень далеко.

---

[11] Эрнест Шеклтон – англо-ирландский исследователь Антарктики. Его экспедиционное судно «Эндьюранс» в 1914 году затонуло недалеко от берегов Антарктики. Никто из членов команды не погиб.

Задумчиво повторяя эти слова, он как будто сам себе напоминал, что время не стоит на месте и он сейчас в Британии.

Глянув на часы на руке, полковник поднялся на ноги.

– Мне нужно идти. Молодой пилот в воздухе творит чудеса, но не умеет обращаться с деньгами или с женщинами, – сказал он, добавив: – Дорого обходятся эти ребята, боевые летчики. Налогоплательщику черт знает сколько стоит их обучение. И после того, как я сделал все от меня зависящее, чтобы добиться от шельмеца дисциплины…

Его лицо неожиданно озарилось обаятельной улыбкой.

– Одна из радостей в полетах состоит в том, что все остается на земле. Включая это дерьмо.

Он кивнул в сторону высоких окон, за которыми совсем потемнело, а на летном поле бушевала вьюга.

– На высоте в пятнадцать тысяч футов[12] я увижу солнце в голубом небе.

Я вернул ему копии записей, и, пока мы шли к двери, он сказал:

– Мне об этом напомнил генерал-майор, я с ним встречался на прошлой неделе. Он только что вернулся из Чили, где его возили в Пунта-Аренас[13], там у них база в Магеллановом проливе. Было много разговоров о каком-то старинном фрегате с аргентинским экипажем и под аргентинским флагом, прошедшем через пролив сразу же после окончания войны к их базе на самом юге Огненной Земли. Вроде бы какая-то женщина, родственница одного из членов экипажа, недавно расспрашивала о нем.

Он остановился, когда мы дошли до устланного ковром большого холла перед выходом из офицерского клуба.

– Как у вас дела с транспортом?

Я сказал ему, что моя машина стоит позади здания, и он повел меня по коридору мимо гардеробных и показал короткий путь через подсобные помещения.

– Странно то, – сказал он, когда мы с ним прощались, – как вся эта история запечатлелась у меня в сознании. Трупы, лежащие на льду, и блокнот Сандерби с заметками о состоянии льда в море Уэдделла[14], ничего больше, и после всей научной писанины три страницы о мельком увиденном корабле-призраке, запертом во льдах.

Он покачал головой, по хмурому выражению его лица можно было подумать, что он воспринимает смерть этого человека как личную трагедию, воспоминания о которой вызывают в нем жгучую боль.

– Будьте осторожны на дороге, – сказал он, открыв дверь в проход с кирпичными стенами. – Все кругом обледенело.

Его рука легла мне на плечо, едва не вытолкнув меня наружу, и дверь тут же захлопнулась за моей спиной. Он как будто пожалел, что слишком открылся мне в нашем разговоре.

Холодный ветер, со свистом налетающий с открытого поля аэродрома, пронзил меня, как только я вышел из прохода. Лобовое стекло моей машины покрылось слоем наледи. Я спрыснул его водой, но, чтобы протаяла хотя бы маленькая дырочка, сквозь которую можно было выглянуть наружу, пришлось греть машину двигателем минут пять, не меньше. По пути назад пришлось ехать как по катку, несмотря на все посыпания солью. Погода стояла настолько скверная, что я добрался до Кингс-Линна не раньше четырех.

Производственные помещения располагались в промышленной зоне в низине у реки, но офисы «Петт и Полдис» были там же, где и раньше – неподалеку от собора Св. Маргариты и старинных складов, в которых с начала шестнадцатого века расположилась городская

[12] Фут – мера длины, равная 30 см.

[13] Пунта-Аренас – город и коммуна в Чили.

[14] Море Уэдделла – море у берегов Западной Антарктиды.

торговая контора ганзейского союза. В здании было холодно и как-то странно тихо. Похоже, всех отпустили пораньше. В нашем кабинете было пусто, на моем столе не было ничего, кроме письма, отпечатанного на фирменном листке почтовой бумаги.

Взяв письмо, я подошел с ним к окну и был потрясен, отказываясь верить в то, что прочел в тех двух коротких абзацах – абзацах, сообщающих мне, что я больше не нужен.

«Уважаемый мистер Кеттил!

Этим ставим Вас в известность о том, что данное отделение «Петт и Полдис» с этого дня прекращает свою деятельность. В дальнейшем все производство будет переведено в Бейсингстоук, а управление всей группой компаний будет осуществляться из штаб-квартиры в Вулверхэмптоне. Администрация более не нуждается в Ваших услугах и просит Вас незамедлительно освободить кабинет, так как офисное здание, равно как и производственные помещения, выставлены на продажу.

Условия вашего контракта будут, безусловно, соблюдены, и представители правления в Вулверхэмптоне свяжутся с вами дома по вопросам выплаты компенсации за увольнение по сокращению штатов, пенсии, страховки и т. п.»

Некто, обозначивший себя руководителем отдела кадров, нацарапал внизу письма безликую подпись.

Я, должно быть, перечитал письмо дважды, прежде чем до меня дошло его содержание. Сокращение штатов – слова из газетных заголовков, катастрофа, которая происходит с кем-то другим и никогда с тобой лично. А ведь у нашей компании давняя история.

Я стоял и глядел на краснокирпичное здание складов напротив, теперь ставшее жилым, на узкий просвет между ним и следующим строением, через который виднелся холодный блеск реки. Свинцовое небо сыпало на землю мелкую снежную пыль. В том, что дирекция фирмы так долго держалась за эти офисы, был особый смысл. Здание ценилось ею за древность, поскольку история «Петт и Полдис» уходила корнями в те времена, когда корабли строили из дерева. Тогда фирма торговала лесом, а когда суда, приходящие в Кингс-Линн по реке, стали металлическими, новые поколения семейства Петт расширили бизнес, занявшись импортом тропических сортов твердого дерева, а позже обратились к консервации древесины, в частности зданий с дубовым каркасом и кровлей в Восточной Англии.

О том, что семья Петт продала предприятие дочерней компании одной крупной химической компании, ожесточенно с нами конкурировавшей, мы узнали лишь тогда, когда по отделам стали ходить люди, которых мы никогда раньше не видели, расспрашивая о денежных потоках и производственных издержках. Мне бы еще тогда следовало догадаться, к чему идет дело. Но человеку это не свойственно, не правда ли? Вместо этого мы с головой уходим в работу, стараясь ничего не замечать. А в ней недостатка не было, заказов у нас было невпроворот, отчего все это становится еще горше.

Я снова натянул куртку, сгреб то немногое, что принадлежало лично мне, и закрыл дверь, оставив за ней почти пять лет своей жизни. Даже попрощаться не с кем в пустых коридорах, только на входе сидел охранник, которого я никогда раньше не видел.

Никогда в жизни мне не приходилось искать работу. Никогда я не был безработным. Я просто пошел по стопам отца. Он работал в «Петт и Полдис» с тех пор, как демобилизовался со службы во флоте в 1956 году, и, поскольку я знал, что работа у меня будет, большую часть своего свободного времени я проводил под парусом, отправляясь из Блэйкни исследовать залив Уош и побережье Норфолка. Это после того, как мы переехали из северного района Кингс-Линна в Клэй[15], и когда я окончил школу, пошел учеником на парусное судно, потом был зачислен в команду для участия в кругосветной регате «Уитбред».

[15] Клэй – поселок на восточном побережье Англии.

Мне повезло. Работа в «Петт и Полдис», на которую я с уверенностью рассчитывал, послужила для меня чем-то вроде страховки в моих жизненных начинаниях. А теперь эта страховка внезапно исчезла, и я обнаружил, каким жестоким может быть этот мир. Университетского образования я не получил, а в сфере консервации древесины, похоже, везде сокращались штаты – кругом постоянно говорили об оптимизации производства, и я встречал увольняемых, большинство из которых, как и я, не имели дипломов.

И только занятые в продажах, особенно те, кто помоложе, относительно легко смогли перепрофилироваться. Это я выяснил примерно через месяц после того, как была закрыта «Петт и Полдис». Наш менеджер по продажам Джулиан Твейт, этот полный кипучей энергии экстраверт из Йоркшира, живущий неподалеку от нас в Уизенхэм-Сейнт-Питер, предложил нам всем встретиться и посидеть где-нибудь в центре Кингс-Линна. Обменяться новостями, информацией и связями, как сказал он. Мысль была хорошей, и мы были обязаны за нее исключительно его сердечной доброте, поскольку сам он, по всей видимости, без всяких затруднений переключился с пропиток для дерева и специальных красок на масла и смазки. Почти пятьдесят человек из семидесяти девяти сотрудников «Петт и Полдис» пришли в «Мейденз Хэд» на Рыночной площади, из них лишь четырнадцать нашли новую работу. Наибольшие трудности с обустройством испытывали рабочие из производственных цехов и служащие из старого офиса фирмы.

Уже через несколько дней после того, как я был уведомлен об увольнении, я стал обдумывать два возможных варианта. Оба они лишали меня покоя и долго не выходили из головы. Первый состоял в том, чтобы продать мою лодку, взять ссуду на большую моторную яхту футов тридцать пять – сорок в длину, на которой проводить платные прогулки в качестве шкипера. Второй вариант – открыть собственную консалтинговую компанию по консервации древесины. Обе эти идеи были настолько волнующими, что я лежал по ночам без сна, строя планы, а зачастую и просто мечтая. Именно в тот вечер в «Мейденз Хэд», общаясь со своими товарищами по несчастью, так и не нашедшими новой работы, я принял окончательное решение.

Сначала я начал изучать возможности стать шкипером прогулочного судна, поскольку я всегда мечтал о чем-то подобном. В Восточной Англии в среде любителей парусного спорта я был своим, а потому знал, у кого можно получить ответы на интересующие меня вопросы. Вскоре я выяснил, что выплата процентов по займу на покупку яхты поглотит доходы как минимум от двух месяцев моей будущей деятельности, ничего не оставляя на прочие расходы: текущий ремонт, замену оборудования, закупку расходных материалов и прочие издержки.

Этот вариант оказался неприемлемым, если я не мог профинансировать его самостоятельно. Тогда я стал пробовать себя в качестве консультанта по древесине, и вместо того, чтобы писать запросы потенциальным нанимателям, я принялся предлагать свои услуги компаниям и учреждениям, с которыми имел дело те пять лет, что работал на «Петт и Полдис».

Одним из таких учреждений был Национальный морской музей в Гринвиче. Когда-то мы выполнили для них довольно специфический заказ, связанный с только что найденной резной фигурой носовой части старинного корабля. Я получил вежливый ответ от заместителя директора, но работу мне не предложили. В обозримом будущем он не усматривал надобности в привлечении специалистов, не состоящих в штате музея.

Такого ответа я и ожидал, поэтому был слегка удивлен, когда примерно через полтора месяца получил от него еще одно письмо. В нем он сообщал, что хотя ничего конкретного мне обещать не может, но полагает, что, возможно, мне будет небесполезно поучаствовать в его встрече с кем-то, кому нужна консультация о корабельной древесине, которая состоится в следующую среду в Гринвиче.

«Это не вполне в моей компетенции, – говорилось в письме, – *но сам по себе корабль представляет огромный интерес для музея, да и связанные с ним обстоятельства весьма необычны. Я подумал о вас, в частности, помня о вашем опыте плавания под парусами. Вы поймете почему, если сможете явиться на встречу, которая назначена на 11 часов на борту "Катти Сарк"*[16]*».*

Это письмо меня заинтересовало, и, хотя мне трудно было выкроить время, да и, по правде говоря, деньги для поездки в Лондон, Виктор Веллингтон был настолько влиятельной фигурой в той сфере, где я пытался утвердиться, что не откликнуться на его приглашение было бы ошибкой.

Утром в ту среду я сел на междугородный экспресс, который в начале десятого доставил меня на вокзал на Ливерпуль-стрит, пребывающий в хаосе реконструкции. Солнце пронзало лучами тучи пыли, высвечивая лес новых стальных колонн и поперечных балок, вознесенных над сколоченными из досок узкими коридорами, по которым текла людская толпа мимо рычащей у фундаментов старых зданий тяжелой техники. Снаружи Сити, напротив, казался чистым и светлым. У меня был большой запас времени, и я зашел в маленькое кафе рядом с «Монументом»[17] выпить чашку кофе с сэндвичем, затем пешком отправился на Тауэрский причал, где сел на катер до Гринвича.

Через двадцать минут мы уже свернули в гринвичский плес и пересекали реку, приближаясь к причалу. Позади строений на пристани высоко в голубое небо вознеслись мачты и реи «Катти Сарк», сверкая лаком и краской в косых лучах яркого солнечного света. Когда я сошел на берег, слева от меня открылся вид на зеленые лужайки среди бледно-серых каменных корпусов прибрежного шедевра Рена[18]. Я взглянул на часы – еще не было и половины одиннадцатого.

«Катти Сарк» стоял носом к реке, своим огромным бушпритом рассекая пополам пространство между «Джипси Мот IV» Фрэнсиса Чичестера[19] и входом на пристань. Подойдя к паруснику, я немного постоял, опершись на стальные перила и глядя в сухой док, специально для него построенный. Каменные ступени вели вниз по обе его стороны, чтобы посетители могли осмотреть острый профиль носа и фигуру на нем с простертой вперед рукой и развевающимися волосами. Вокруг корабля по всему доку был проход к такой же лестнице у кормы. Со стороны правого борта на шканцы вели сходни и трап, но основной вход на судно был с левого борта, почти точно посередине между первой и второй мачтами из трех. Он несколько напоминал подъемный мост, опущенный с закругленного внутрь борта на каменный край дока.

У меня все еще оставалось двадцать минут, и я пошел к «Джипси Мот». Глядя на изящные очертания этого созданного для гонки судна, я задумался о человеке, который в свои шестьдесят с лишним, борясь вегетарианством с раком, смог на нем в одиночку не только пройти вокруг света, но и обогнуть мыс Горн[20]. В сравнении с «Катти Сарк» яхта, конечно же, выглядела совсем крошечной, но, если стоять вот здесь, возле системы автоматического рулевого управления, и смотреть снизу вверх на главную мачту, устремленную в небо, то управление ею уже представлялось чертовски сложным делом для совершенно одного пожилого человека.

---

[16] «Катти Сарк» – чайный клипер девятнадцатого века, ныне корабль-музей в Гринвиче.

[17] «Монумент» – колонна в Лондонском Сити, воздвигнутая в память о Большом лондонском пожаре 1666 г.

[18] Кристофер Рен – знаменитый английский архитектор, перестроивший центр Лондона после пожара 1666 г. Имеется в виду здание Королевского высшего военно-морского училища в Гринвиче, спроектированное Реном.

[19] Фрэнсис Чичестер – английский летчик и мореплаватель XX века, совершивший одиночное кругосветное плавание на яхте «Джипси Мот IV» в 1966—67 гг. С 1972 года выставлена на всеобщее обозрение в сухом доке Гринвича рядом с «Катти Сарк».

[20] Мыс Горн – крайняя южная точка архипелага Огненная Земля.

Я стал думать о своей собственной лодке, о прелести июньского утра, вызвавшей у меня острое желание вернуть ее себе, выйти под парусом из Блейкни на север от пролива, увидеть белых чаек в ослепительном солнечном сиянии, пройти мимо того места, где тюлени греются на гальке и поднимают головы, чтобы посмотреть на меня своими ясными коричневыми глазами… Но я в Лондоне, лодка продана, и мне позарез нужна работа.

По пути назад к «Катти Сарк» я снова взглянул на часы. Без семнадцати минут одиннадцать. Мне бы хотелось подняться на борт, освежить в памяти интерьер корабля, но внутренний голос мне подсказывал, что неправильно было бы появиться раньше более чем на пятнадцать минут. Если Виктор Веллингтон узнает, что я на корабле, он наверняка пошлет кого-нибудь за мной. Это выглядело бы как чрезмерное рвение с моей стороны. Это гордыня, разумеется, но я не хотел, чтобы он догадался, как отчаянно я нуждаюсь хоть в каком-нибудь контракте с музеем, пусть даже самом незначительном. Интуиция мне подсказывала, что, если только я его получу, за ним последуют и другие.

Солнце уже нагрело камни дока, когда я неспешно пошел к правому борту судна. Паб, находящийся позади кормы «Джипси Мот», сиял золотом на коричневом фоне. С одной стороны его вывески красовалась яхта Чичестера, с другой – его самолет. На бетонной смотровой площадке, расслабленно опершись спиной на перила, стоял худощавый молодой человек в светло-голубых джинсах и свободной короткой куртке золотистого цвета. Вокруг его шеи был завязан рукавами коричневый свитер, а с плеча свисала фотокамера, но все же он больше был похож на студента, чем на туриста.

Я обратил на него внимание потому, что он смотрел не на «Катти Сарк». Стоя неподвижно, он пристально глядел на Чёрч-стрит, где маленький «Ситроен» пытался втиснуться между большим грузовиком, припаркованным возле паба, и рядом из пяти соединенных цепью щитов, отделяющих проезжую часть от кирпично-бетонной территории дока.

Припарковавшись, из автомобиля выбралась молодая женщина. Ее коротко остриженные, почти «ежиком», черные волосы блестели на солнце, как и свободно повязанный на шее шелковый шарф. Что-то в ее поведении, в том, как она стояла и, откинув голову назад и напрягая все тело, смотрела на «Катти Сарк», наталкивало на мысль, что чайный клипер имеет для нее какое-то особое значение.

К этому моменту я поравнялся с кормой «Катти Сарк». Пройдя мимо студента, я остановился и облокотился на перила, глядя, как она залезла в машину и вытащила старый кожаный портфель, из которого достала толстую тетрадь с отрывными листами и положила ее на капот. Минуту она так и стояла, переворачивая страницы. Студент переменил позу. Невысокий, со смуглой кожей, он блеснул золотым кольцом на пальце, снимая с плеча и раскрывая футляр своей фотокамеры. Как и его одежда, аппарат был дорогим.

Здесь было множество туристов, но все они расхаживали у носа корабля и собирались группами у входа на палубу, так что к тому моменту, когда женщина, заперев дверь своего авто, направилась к нам, кроме нас со студентом у кормы не было никого.

Медленно шагая, она на ходу заталкивала тетрадь назад в пухлый портфель. Она казалась рассеянной, как будто мыслями была где-то далеко отсюда, не замечая красоты этого утра и величия устремленных в голубое небо мачт чайного клипера. Среднего роста, она не была красавицей, но поражала твердой линией выступающего подбородка и изгибом переносицы. Ее лицо с резко очерченными утренним солнцем скулами и широким лбом производило сильное впечатление, а во взгляде, брошенном на меня на мгновение из-под черных прямых бровей, светился глубокий ум.

Она была уже всего в нескольких ярдах[21], и в этот момент студент поднес камеру к глазам. Я услышал щелчок затвора, когда он нажал на спуск, фотографируя ее. Она, должно

[21] Ярд – мера длины, приблизительно равная девяноста сантиметрам.

быть, тоже слышала, поскольку на миг приостановилась, расширив глаза, будто потрясенная внезапным узнаванием. Но было что-то и кроме одного лишь узнавания, что заставило ее лицо окаменеть словно от ужаса, а в глубине мелькнуло что-то наподобие странного волнения.

Все это пронеслось в одно мгновение, тем не менее ее выражение живо отпечаталось в моей памяти. Она справилась с потрясением в ту же секунду и продолжила путь, пройдя совсем рядом со мной. И снова наши взгляды встретились, и мне показалось, что она раздумывала, не заговорить ли со мной. Но она прошла мимо, взглянув на массивные часы на своем запястье, наподобие тех, что носят дайверы. Она оказалась более плотной, чем мне показалось поначалу, довольно крепкая на вид молодая женщина с раскачивающимися бедрами и мускулистыми икрами под темно-синей юбкой. Перед входом на корабль ей пришлось ждать, пока пройдет группа школьников, и она, запрокинув голову, стала разглядывать мачты «Катти Сарк». Затем, за секунду до того, как скрыться из виду, она слегка задержалась, быстро обернувшись в мою сторону. Но смотрела ли она на меня или на студента, я не смог определить.

Снова повесив камеру на плечо, он как будто собрался последовать за ней. Но потом замешкался, понимая, я так думаю, что это было бы слишком явно. Я стоял прямо у него на пути, и теперь, когда я видел его лицо, я отчасти понимал, чем он, возможно, так ее взволновал. Бронзовая кожа под шапкой блестящих черных волос. Очень красивое лицо, на первый взгляд. Но за привлекательными правильными чертами скрывалась едва уловимая жестокость.

Мы всего несколько секунд стояли, глядя друг на друга, хотя мне тогда показалось, что дольше. Я уже чуть было не заговорил с ним, но потом подумал, что он, возможно, не знает английского. Его темные недружелюбные глаза казались такими чужеродными. Тогда я развернулся и быстро пошел через док. Я решил повременить еще пять минут, прежде чем подняться на борт. Когда я дошел до носа парусника, студент уже перебирался по трапу на палубу. Быстро глянув в мою сторону, он исчез на судне, и тогда я мысленно вернулся к предстоящей встрече и тому, что из этого может получиться. Я стал думать о письме Веллингтона, о его упоминании корабля, представляющего такой интерес для Национального морского музея, и о каких-то необычных обстоятельствах. Что это за обстоятельства?

Проходя под бушпритом и девой с простертой рукой и развевающимися волосами, я заметил, как сквозь ограждения проехал автомобиль и припарковался недалеко от военно-морского училища. Из него вышли трое мужчин, все одетые в темные костюмы, среди них был Виктор Веллингтон. Они о чем-то серьезно переговаривались между собой, пока быстро шли к судну, затем по трапу поднимались на шканцы. Там они ненадолго задержались, глядя на такелаж в носовой части, но, по всей видимости, были полностью сосредоточены на предмете своей беседы, не обращая внимания ни на судно, ни на что иное в частности.

Еще с минуту они диссонировали своими строгими костюмами с обстановкой, затем двинулись в заднюю часть корабля и исчезли из виду, спустившись вниз по трапу. Обогнув корму парусника, я направился ко входу. Ступив на палубу, я объяснил дежурному офицеру, продающему билеты за столиком слева от входа, по какому вопросу явился, и он направил меня в небольшую служебную каюту на противоположной стороне, где за столом сидел капитан «Катти Сарк» с кружкой чая.

– Мистер Кеттил? – переспросил он, глядя на листок с отпечатанным на машинке текстом на столе перед собой.

Он поднялся на ноги и пожал мне руку.

– Встреча состоится в кормовой кают-компании. Вы знаете, как туда пройти?

Я покачал головой.

– Я бывал здесь раньше, но не помню, где что находится.

– Тогда я вас провожу.

Он залпом проглотил остатки своего чая.

– Остальные уже прибыли. Все, кроме одного.

После этого он повел меня на палубу, поднялся по лестнице на шканцы и далее к корме, где у самого штурвала медные ступени уводили в обшитые темным деревом недра парусника. Поперек судна располагался великолепно оборудованный обеденный зал, занимая всю кормовую часть офицерских жилых помещений.

Как только я вошел в двери, тут же вспомнил отменное качество деревянной отделки. Стены были облицованы темными панелями глазкового клена и тикового дерева красноватого оттенка. Таким же был длинный стол, стоящий поперек зала, простые сиденья по обе его стороны в виде дощатых скамей со складывающимися спинками, а за ними роскошный буфет с зеркальной задней стенкой и встроенным посередине барометром. Потолок над столом был застеклен, с него, блестя латунными деталями, свисала большая масляная лампа. По другую сторону стола находился небольшой чугунный зарешеченный камин.

За столом расположились четверо мужчин: Виктор Веллингтон, те двое, что поднялись на борт вместе с ним, и еще какой-то сухопарый человек. С противоположной стороны стола сидела та молодая женщина, которая так привлекла мое внимание, пока шла от своего автомобиля к кораблю. Когда я вошел, она подняла на меня глаза от своей тетради, и я снова ощутил на себе ее оценивающий взгляд, в котором сквозило еще что-то трудноуловимое, какое-то подобие одобрения, что-то явно сексуальное, хотя и не вполне чувственное.

Капитан удалился, и Виктор Веллингтон представил меня собравшимся: сначала худощавому джентльмену с лицом энергичного человека, адмиралу, директору Национального морского музея, затем сидящей за ним молодой женщине.

– Миссис Сандерби.

Ее лицо на мгновение осветила улыбка.

– Айрис Сандерби.

В электрическом свете висящей над ее головой латунной лампы ее глаза сияли особенно ярко-синим.

– Это из-за меня эти любезные джентльмены тратят свое драгоценное время.

Она улыбнулась мне, всего на секунду, и обратила взгляд на дверь.

Первый из остальных двоих оказался председателем Морского благотворительного общества. Рядом с ним сидел, можно сказать, легендарный человек, спасший «Катти Сарк», после чего он занялся созданием Всемирного корабельного общества. Виктор Веллингтон жестом пригласил меня садиться напротив миссис Сандерби, и, после того как я протиснулся на указанное мне место, я вспомнил, почему ее фамилия показалась мне знакомой. После некоторого колебания я склонился над столом:

– Простите, что спрашиваю вас об этом, вы все еще замужем? Я имею в виду, ваш супруг жив?

Она, помрачнев, напряженно сжала губы.

– Нет, мой муж умер. Почему вы спрашиваете?

– Он был гляциологом, верно?

– Откуда вам это известно?

Подумав, я решил рассказать ей о странном разговоре со служившим на Фолклендских островах полковником авиабазы, но, поскольку я не был уверен, знает ли она о психическом состоянии своего мужа, о его боязни льда, нужно было деликатно обойти щекотливую тему. Этим я и был занят, когда дискуссия о присуждении премии «Всемирного корабельного общества» была прервана появлением человека, которого явно все ждали.

Его звали Айан Уорд, и все сидевшие за столом поднялись, хотя это было не так и просто – полированный край скамьи при этом уперся мне в подколенные впадины. Думаю,

причина была скорее во врожденных хороших манерах, нежели в почтении к богатству, хотя тот факт, что он неожиданно стал обладателем чека более чем на миллион, вероятно, оказал определенное влияние.

Дружелюбно улыбаясь, первым заговорил директор Национального морского музея:

– Спасибо, что приехали, несмотря на долгий путь, мистер Уорд.

Протянув руку, он представился, не упоминая своего звания. Когда они пожимали друг другу руки, я обратил внимание на раздувшийся правый рукав вошедшего, из которого торчала одетая в черную перчатку ладонь. Он задержался у дверей, слегка склонив голову, словно боясь стукнуться о потолочные балки. Ему было примерно столько же лет, сколько и мне, был он высок и крепко сбит, его лицо украшали баки и будто бы застенчивая улыбка.

– Простите, если я опоздал, – сказал он с сильным шотландским акцентом.

Айрис Сандерби выбралась из-за неудобной скамьи и пошла ему навстречу.

– Пожалуйста, проходите. Я очень рада, что вы смогли приехать.

Директор музея все с той же обаятельной улыбкой сказал:

– Вы вовсе не опоздали. Это мы собрались раньше. Нам нужно было обсудить кое-какие вопросы.

Миссис Сандерби представила его остальным, и он, обходя стол, чрезвычайно официально пожал руку каждому левой ладонью. Очевидно, что его правая рука была искусственной, но из-за чего был так раздут его рукав, я все никак не мог понять. Проводив его наконец к свободному месту около себя, Айрис раздала всем по отпечатанному на машинке листку, где вкратце была изложена причина нынешней встречи. Айан Уорд, на секунду взглянув на текст, поднял голову и окинул взглядом присутствующих. Он сидел прямо напротив меня, массивный, одетый в яркий клетчатый спортивный пиджак, расстегнутая у горла рубаха обнажала тяжелую золотую цепь на его бычьей шее. На пальце его левой руки было также золотое кольцо с печаткой.

Неловкую паузу прервал Виктор Веллингтон:

– Теперь, когда все в сборе, полагаю, мы можем начинать.

Он немного подождал, пока все снова рассаживались, затем продолжил:

– Начну с самого начала. Айрис первый раз обратилась ко мне в связи с этим призрачным кораблем вскоре после смерти своего мужа. С тех пор миссис Сандерби прикладывала изрядные усилия, пытаясь собрать деньги и вместе с тем наводя справки в Буэнос-Айресе и Монтевидео и в особенности на самом юге Латинской Америки – в Пунта-Аренас, что в Магеллановом проливе, и в Ушуайе, в проливе Бигл. В результате все мы четверо пришли к заключению, что если супруг миссис Сандерби действительно видел корабль с прямыми парусами во льдах моря Уэдделла перед тем, как самолет, на борту которого он находился, потерпел крушение, то это должен быть фрегат «Андрос».

Он взглянул на представителя Всемирного корабельного общества.

– У вас, насколько я знаю, есть кое-какие фотоснимки?

Тот утвердительно кивнул.

– Два, если быть точным. Один сделан сразу же после того, как судно было извлечено из ила реки Уругвай в 1981 году, второй – после того, как оно было восстановлено и куплено Аргентинским военно-морским флотом. Оба снимка из Международного реестра кораблей прошлого Всемирного корабельного общества.

У него было несколько отпечатков, и он их передал сидящим за столом. После того как мы все с ними ознакомились, Веллингтон сказал:

– Говоря от лица музея, и наш директор с этим полностью согласен, мы поддержим любые попытки кого бы то ни было добыть для экспозиции в Британии трехмачтовый фрегат с полным парусным вооружением Блэкуоллского типа. Именно таким это судно и явля-

ется, как мы полагаем. Оно стало бы одним из самых ранних фрегатов на земле, которые выставлены для всеобщего обозрения…

– Вы поддерживаете стремление, – ввернул председатель Морского благотворительного общества, – но не готовы вложить деньги в это предприятие, я правильно понимаю?

Веллингтон взглянул на своего начальника, который сказал:

– Моральная поддержка – да, деньги – нет. Нам нечего выделить на это в данное время, вы это и сами хорошо знаете, но мы поможем всем, что в наших силах, на стадии реставрации.

Он обратил взгляд на Айрис Сандерби, подняв брови:

– Надеюсь, теперь Виктор предоставит слово вам. И вам, сэр, – прибавил он, оборачиваясь к Уорду. – Если корабль там и его можно восстановить и если это действительно «Андрос»…

Слегка пожав плечами, он снова улыбнулся.

– К сожалению, слишком много «если».

Он уставился на Уорда.

– Вы ведь действительно намерены финансировать поиски судна и его восстановление, если оно будет найдено, правда? Экспедиции, мой друг, – прибавил он, медленно произнося слова, – не бывают дешевыми. Для одного человека это может вылиться в чертовски крупную сумму.

– Вы сомневаетесь в том, что у меня есть такие деньги? Дело в этом?

Уорд навалился на стол, его слова прозвучали задиристо.

– Нет, конечно же нет. Я не об этом хотел с вами поговорить.

– О чем тогда?

Он продолжил, не дожидаясь ответа:

– Взгляните вот. Как раз на тот случай, если вы будете сомневаться, я взял с собой, чтобы показать вам.

Засунув левую руку во внутренний карман пиджака, он вытащил пачку газетных вырезок. Он чуть ли не швырнул их на стол.

– Вот. Там даже есть фото чека крупным планом. Смотрите, что там написано, – один миллион двести тридцать шесть тысяч фунтов семнадцать пенсов. Только имейте в виду, меня интересуют лишь поиски, но не реставрация.

Адмирал кивнул:

– Разумеется, мы это понимаем. Кроме того, я уверен, что, когда мы будем располагать всесторонней оценкой состояния судна и его останки будут помещены в подходящий порт, в сборе необходимой суммы после нашего обращения трудностей не возникнет.

– Миссис Сандерби составила меморандум…

Голос Веллингтона затих под ставшим вдруг ледяным взглядом серых глаз адмирала.

– Меморандум – это другое, Виктор. Мистеру Уорду требуются гарантии того, что его обязанности заканчиваются в тот момент, когда останки корабля прибудут, скажем, в Порт-Стэнли или даже в Грютвикен в Южной Георгии. Так же как и мы должны быть уверены, прежде чем обещать свою поддержку проекту, что мистер Уорд правильно представляет себе порядок расходов. А также риски, – прибавил он, вновь оборачиваясь к Уорду. – Эти вопросы мы должны прояснить на нашей встрече. Теперь…

Он устремил пристальный взгляд на шотландца.

– С вашего позволения, задам вам несколько вопросов: насколько я понимаю, точнее…

Адмирал мельком глянул на листок бумаги, лежащий перед ним на столе.

– …как вы дали понять миссис Сандерби, вы готовы выделить до половины той суммы, что вы выиграли на футбольном почтовом тотализаторе, на поиски и возвращение застрявшего во льдах корабля, и, помимо получения консультации о типе судна, подходящего для

поисков, и составе экипажа, единственное условие, которое вы выдвигаете, состоит в том, что, независимо от обстоятельств, вы должны быть включены в поисковую команду. Иными словами, вы покупаете себе место в экспедиции. Правильно?

– Да, но вы должны понять…

– Одну минуту.

Адмирал поднял руку.

– У вас есть физический изъян, и я с вами буду говорить начистоту как морской офицер. Полагаю, было бы честным по отношению к остальным, кто будет с вами рисковать своими жизнями на краю шельфового ледника, где льды не тают в течение всего года, если бы вы пересмотрели поставленное вами условие…

– Нет! – взорвался он и, пристально глядя на адмирала, навис над столом, сжав левый кулак с такой силой, что на нем вздулись бугры мышц. – Это именно то, чего я хочу. Понимаете, мне немного повезло. Я выиграл на тотализаторе, получил этот огромный чек, черт его побери, и теперь мой дом завален просительными письмами. Почтальоны приносят мне их полными сумками, все эти профессиональные попрошайки пытаются всунуть свои рыла в дармовое корыто, и по телефону звонят, толпы ни на что не годных негодяев, половина всех бездельников и чудаков всей Британии. Первым делом я приобрел мусоросжигательную печку. Я сжег кучу этих писем на заднем дворе. Я знаю, чего хочу, поймите. Я здесь, потому что обращался в Молодежный клуб моряков, когда-то я ходил под парусом на одном их корабле, и они посоветовали мне связаться со Всемирным корабельным обществом.

Слова лились из него потоком, будто рухнула плотина.

– Сам по себе корабль меня не интересует. Главное – это волнение, ощущение чего-то значительного, ради чего стоит потратить время. Хочется, чтобы было за что бороться, ради чего не жалко пройти под парусами полмира. А потом…

Он обернулся, неожиданно улыбнувшись, и его глаза засияли.

– Потом я увидел объявление миссис Сандерби в каком-то журнале для яхтсменов. Она искала людей для поисков корабля в Антарктике, людей, которые смогли бы взять на себя путевые расходы и оплатить экспедицию в складчину. Вот поэтому я и здесь.

Уорд повернулся лицом к адмиралу.

– Таковы мои условия. Если я финансирую экспедицию, то я должен быть в числе ее участников. Это понятно?

За столом воцарилась тишина. Молодой шотландец и седовласый адмирал сверлили друг друга взглядами. Наконец адмирал произнес совсем тихим голосом:

– Я никогда не бывал в Антарктике, но курсантом был на учениях в Арктике. Мы тогда застряли во льдах на две недели. Я знаю, что это такое. А вы нет. Хорошая физическая форма имеет решающее значение. И если мы поддержим экспедицию миссис Сандерби…

– *Мою* экспедицию, – резко оборвал его Уорд. – Если я плачу за нее, значит, это *моя* экспедиция. Антарктическая поисковая экспедиция Айана Уорда. Вот так она будет называться.

Он неожиданно осклабился.

– Вы уже заняли свое место в истории, сэр. Я тоже хочу. Даже если это будет стоить мне жизни. Вот так.

– А если это будет стоить жизней остальным?

Адмирал замолчал, сурово глядя на Уорда.

– Как тогда вы на это будете смотреть?

Затем он прибавил, веско чеканя каждое слово:

– Я не могу согласиться на поддержку экспедиции, обремененной чьей-либо инвалидностью.

– Вы это имеете в виду? – спросил Уорд, похлопав себя по правой руке, одетой в перчатку.

– Да, я именно это и имею в виду.

– И это ваше единственное возражение?

Лицо Уорда раскраснелось.

– Вы собираетесь загубить все дело только из-за моего участия в нем, не имея ни малейшего представления о том, на что способна несчастная рука, которой наградил меня Господь, даже не потрудившись проверить это?

Он выбрался со своего места и, обойдя стол, подошел к Виктору Веллингтону, сидевшему напротив адмирала.

– Подвиньтесь, пожалуйста.

Взяв заместителя директора за плечо одетой в перчатку рукой, он отодвинул его в сторону. Затем, пригибаясь, чтобы не удариться головой о потолочные балки, он стащил с себя пиджак и втиснул свое громоздкое тело в освобожденное для него пространство.

– Отлично.

Он закатил рукав рубахи, обнажая морщинистую руку, напоминающую птичью лапу, настолько высоко расположенную, что запястье и локоть, казалось, представляли одно целое. Сустав терялся под бугрящимися ниже плеча мускулами. Пальцы руки были пристегнуты к пластиковой рукояти, соединенной с искусственной ладонью блестящим металлическим стержнем.

– Теперь беритесь за мою искусственную лапу, и мы ее испытаем, вы и я, и я ставлю пять фунтов на то, что вы меня не одолеете.

Адмирал медлил, уставившись на иссушенное подобие руки и на обтянутые кожей перчатки пальцы, раскрывшиеся, чтобы сжать его ладонь. Медленно, будто против собственной воли, он кивнул, протянул руку и обхватил протез, сморщившись, когда стальные пальцы сжали его живую плоть.

– Если так слишком неудобно, я могу скинуть протез, и вы испытаете хват моей клешни. Но тогда, естественно, локти будут не на столе.

– Нет, мы попробуем так. Я видел и раньше искусственные конечности, и мне было всегда интересно проверить их в действии.

Теперь он улыбался.

– Не занимался этим с тех пор, как был курсантом.

Он поставил локоть на стол.

– Скажете, когда будете готовы.

Уорд утвердил свой собственный локоть-запястье причудливой формы, мышцы над ним вздулись, когда он произнес:

– О’кей, начнем.

Их сосредоточенные лица напряглись, руки буквально задрожали от усилия. Театральность происходящего граничила с нелепостью: судьба экспедиции в Антарктику зависела от исхода состязания. Уорд производил впечатление актера, играющего привычную роль, и я понял, что он проделывал это и раньше, что-то вроде фокуса для вечеринок. Он сам собой любовался, это было видно по выражению его лица. Адмирал тоже по-своему красовался. Социально, возможно, и политически между ними зияла пропасть, но в их характерах было нечто удивительно схожее. Вот так, лицом к лицу, со вздувшимися мускулами и пульсирующими жилами, сцепив здоровую руку с одетым в кожу перчатки стальным протезом, они были похожи на гладиаторов, еще чуть-чуть, и послышались бы крики разгоряченной толпы.

А потом все закончилось в мгновение ока. Адмирал всем телом завалился набок вслед за своей рукой, тут же прижатой к столу.

Уорд разжал пальцы на искусственном предплечье, и перчатка освободила ладонь адмирала.

– Хотите испытать ее без этой штуковины?

Металлический протез с резким стуком свалился на стол.

– Только придется стоя, со свободными локтями, как вы понимаете.

Разминая пальцы, адмирал отрицательно покачал головой.

– Я таким родился, – сказал Уорд почти извиняющимся тоном. – Мне пришлось учиться жить с этим с тех пор, как я был выброшен в этот грешный мир. Постепенно я развил мышцы достаточно, чтобы здесь появилась изрядная сила.

Он хлопнул себя по плечу, поднимаясь на ноги.

– Я даже получил черный пояс. Каратэ.

Уорд надел пиджак.

– Я развеял ваши сомнения, или вы хотите, чтобы я взобрался наверх по вантам «Катти Сарк» или что-нибудь другое в этом роде?

Адмирал хохотнул.

– Не надо. Полагаю, мои возражения решительно пресечены.

Он обернулся к миссис Сандерби:

– Что там с командой? Я так понимаю, у вас есть на этот счет кое-какие соображения.

Она кивнула, вытаскивая еще одну тетрадь из своего портфеля.

– Я связалась с людьми, организаторами регаты «Уитбред», с Королевской ассоциацией яхтсменов, Ассоциацией школ парусного спорта и Королевским клубом океанских гонок. Изучив краткие биографические сведения более чем сотни кандидатур, я оставила в списке около двадцати человек, которые могут располагать свободным временем и имеют склонность принимать участие в подобного рода экспедициях. В конце концов из них я отобрала семь наиболее подходящих.

Миссис Сандерби помолчала в нерешительности.

– Может, у вас есть кто-то на примете, адмирал?..

Он медленно покачал головой.

– Увы. Те, кто приходит на ум, слишком стары для такого дела, включая и меня самого. Был бы я лет на сорок моложе… – сказал он, слегка покачав головой. – Каким вы видите полностью укомплектованный экипаж?

– Помимо меня и мистера Уорда нам нужен механик, хороший штурман, капитан, матрос с арктическим опытом, повар, который также будет и матросом, всего пять человек. Думаю, этого будет достаточно, хотя еще один человек не помешал бы на случай травм, и нам нужен человек, разбирающийся в радиосвязи.

– Вы уже подобрали их, так ведь?

– Да, пожалуй. По крайней мере четверых. Труднее всего будет найти матроса, который бы умел управляться с санями на льду. Есть человек с большим опытом в Северном Ледовитом океане, но он, на мой взгляд, слишком стар, к тому же у него на руках жена и трое малых детей и его гонорар должен будет соответствовать его семейным обстоятельствам. Еще есть один ирландец, испытавший в жизни все мыслимые и немыслимые занятия, и австралиец, содержавший радиомагазин в Перте[22] и год проработавший на Австралийской Антарктической станции в качестве заместителя радиооператора. По его уверению, он много ходил под парусами и был членом запасного состава одной из команд-участниц в Кубке Америки, когда гонка проходила в Перте. К сожалению, он недавно женился на выпускнице ветеринарного колледжа и не желает оставлять свою молодую жену. Поскольку она ходила вдоль западного побережья Австралии на яхте отца, я предложила ему взять ее с собой. Ветеринар, конечно, не заменит врача на борту, но она по крайней мере сможет зашить рану, вправить кость и раздать нужные таблетки. Но она в конце концов отказалась, сказав, что этим она лишит себя возможности стать совладельцем в фирме, в которую недавно пришла. Жаль, конечно.

[22] Перт – здесь: город в Австралии.

Похоже, они бы идеально подошли, тем более что он отрекомендовал себя как увлеченного радиолюбителя. Что до остальных…

Она пренебрежительно чуть пожала плечами.

– Не так просто собрать команду, когда все еще не решены финансовые вопросы. Необходимы надежные люди, и они должны обладать не только профессиональным опытом, но и подходящим характером. И нам нужен человек, который обеспечит радиосвязь. От связи с внешним миром будет зависеть наша безопасность.

Взглянув на Уорда, она, будто боясь, что ее слова могли остудить его энтузиазм, поспешила прибавить:

– Но я продолжаю держать руку на пульсе и, как только у нас будет корабль и гарантированная поддержка экспедиции, несомненно, смогу привлечь нужных людей.

Она нервно окинула взглядом сидящих за столом.

– В общем, ситуация с экипажем на текущий момент такова.

Адмирал кивнул и обернулся к своему заместителю:

– Вы согласны, Виктор? Мы окажем моральную поддержку.

Веллингтон медлил с ответом, изучая лицо своего начальника.

– Единственное, чего не хватает музею, помимо должного финансирования, естественно, это полноразмерного корабля в дополнение к нашему великолепному зданию. Что-то наподобие «Катти Сарк», чтобы посетители имели возможность из залов с исторической экспозицией прямиком пройти на палубу настоящего судна. Именно этого друзья музея и немногочисленные сотрудники добиваются уже многие годы. Если этот Блэкуоллский фрегат действительно существует, если там во льдах действительно корабль такого типа…

Его глаза засияли, а голос изменился, зазвучав почти с ребяческим воодушевлением, когда он стал объяснять Уорду, в чем состоит особенность именно такого типа фрегатов.

– Это, безусловно, вовсе не военные суда, а большие торговые корабли Ост-Индской компании, построенные на верфях Блэкуолла, что чуть ниже военно-морского судостроительного завода по течению Темзы. В то время Ост-Индской компании, да и голландцам тоже, нужны были более быстроходные суда, корабли, способные уйти от преследования или отбиться от атак пиратов, и она начала строить суда по чертежам военно-морских фрегатов, и первым построенным в Блэкуолле кораблем стал «Серингапатам». Это было в 1837 году, на закате существования Ост-Индской компании, так что построено их было не так уж и много. Водоизмещение того, первого, составляло восемьсот восемнадцать тонн, размеры его достигали почти половины самого большого построенного ими когда-либо судна, которое имело сто восемьдесят три фута в длину и сорок футов в поперечнике, водоизмещение около тысячи четырехсот тонн. У «Андроса» этот показатель равен примерно тысяче тонн. Большинство этих кораблей впоследствии использовали как транспорт для эмигрантов, также они ходили вокруг мыса Горн во время калифорнийской и австралийской золотой лихорадок.

Пока он говорил, шум голосов за дверью, ведущей в офицерский камбуз и каюты, становился все отчетливее: в основном это были детские голоса. А потом мое внимание привлекло какое-то движение над свисающей с потолка лампой – нас разглядывали два маленьких лица в окно наверху. Как только они заметили, что я их вижу, они тут же исчезли, и вместо них появилось лицо молодого человека, смуглое и сосредоточенное, с глазами слегка навыкате и тонким порочным ртом. Золотистый рукав его куртки прижался к стеклу. Он глядел на Айрис Сандерби, и в глазах его мелькнул странный блеск. Это похоть? Или, возможно, ненависть? Не могу сказать точно. Ясно было только то, что ее вид, сидящей, склонившись над бумагами, вызвал какое-то яростное чувство.

Он, видимо, ощутил, что я наблюдаю за ним, так как вдруг повернул голову и посмотрел прямо на меня. Тогда мне его очень темные, полные враждебности глаза стали видны лучше. Такое у меня, тогда во всяком случае, сложилось впечатление. Но это мимолетное

выражение тут же исчезло, и мне показалось, что он мне улыбнулся. В следующую секунду я уже смотрел на пустой прямоугольник голубого неба.

– Туристы, – сказал Веллингтон. – Они здесь повсюду.

Я мельком глянул на Айрис Сандерби, гадая, видела ли она его и какова была ее реакция, но она теперь смотрела на Виктора Веллингтона, более подробно описывающего фрегат «Андрос», его размеры, мачты, оснастку и все детали конструкции, так милые сердцу смотрителя музея, рассуждающего о желанном экспонате.

Я не очень хорошо запомнил, что именно он говорил, поскольку лицо в потолочном окне произвело на меня неизгладимое впечатление. Сейчас, когда я об этом пишу, это кажется нелепым, всего лишь мелькнувшее в застекленном потолке лицо, но тогда, в ту секунду я уже знал, что между ними что-то есть, что-то его связывает с Айрис Сандерби личное и вместе с тем пугающее. Это поразившее меня ощущение, словно зафиксированное фотовспышкой, возникло в то мгновение, когда он смотрел на нее сверху. Но вот так это и было. Лицо за стеклом выражало такую чрезвычайную сосредоточенность и концентрированность, что заставило холодок пробежать у меня по коже, причину которого я и сейчас не вполне могу объяснить.

– Если экспедиция, ваша экспедиция, окажется успешной и вы отыщете останки «Андроса» во льдах, Питер Кеттил здесь с тем, чтобы проконсультировать вас по вопросам его консервации…

Упоминание моего имени вернуло меня к действительности, оторвав от этих сумбурных мыслей. Только сейчас разговор впервые коснулся причины моего присутствия на этой встрече.

– Вы хотите сказать, проконсультировать там?

Мои слова прозвучали тихо и неуверенно. Виктор Веллингтон устремил на меня острый взгляд своих маленьких глаз.

– Разумеется. Важно получить экспертную оценку прямо на месте, с тем чтобы определить, что понадобится для консервации древесины корабля, и отправить все необходимое туда по воздуху вместе с соответствующими специалистами. Затем, когда спасатели прорубят для судна выход изо льдов, его можно будет отбуксировать в более теплые воды к северу, не боясь его гниения.

– Но…

Я смущенно замолчал. Мне и в голову не приходила возможность моего участия в экспедиции. Он улыбнулся.

– А зачем, вы думаете, я пригласил вас на эту встречу?

– Но у меня нет необходимой квалификации. Что касается консервации древесины, я компетентен, но плавание в Антарктику…

– Вы разбираетесь в кораблях. Вы ходили в море, и у вас есть собственная яхта.

– Была. Но это было на побережье Норфолка. А вы говорите об Антарктике.

– Нельсон, – ввернул адмирал. – Он вырос в Бёрнэм-Торп[23]. Это недалеко от побережья Норфолка. К тому же север Норфолка иногда относят к арктической зоне. Тамошние холода воспитывают людей особого сорта. Вы справитесь. Правда, миссис Сандерби?

Обернувшись, я увидел, что она пристально на меня смотрит. Она явно не была готова немедленно принять такое решение. Тем не менее она вдруг улыбнулась.

– Да, конечно. Адмирал прав.

Затем она прибавила:

– Если мы отыщем этот корабль, нам, несомненно, будут нужны узкоспециальные знания, которыми вы обладаете.

---

[23] Бёрнэм-Торп – поселок, в котором родился знаменитый английский флотоводец вице-адмирал Горацио Нельсон.

Никто не спросил меня, хочу ли я отправиться в Антарктику. Они, похоже, сочли само собой разумеющимся, что я поеду с ними, и разговор переключился на обсуждение доступности подходящего поискового судна в пределах предоставленного Уордом бюджета. Мне бы следовало просто встать и уйти. А я как дурак сидел и молчал.

Судно, что было у Сандерби на примете, представляло собой парусно-моторную лодку длиной шестьдесят футов, со стальным корпусом в четверть дюйма и мощным дизельным двигателем. Она стояла в чилийском военно-морском порту в Пунта-Аренас, на северном берегу Магелланова пролива, усиленная и оснащенная для норвежской разведывательной экспедиции на Землю Королевы Мод[24], которая так и не началась по причине прекращения финансирования.

Миссис Сандерби ездила в Пунта-Аренас и видела эту лодку под названием «Айсвик». За судном там присматривает один из участников экспедиции, норвежец Нильс Солберг. Лодка выставлена на продажу. Айрис Сандерби полагает, что Солберг, механик, по ее мнению, весьма опытный, примкнет к любой новой экспедиции.

Затем стали обсуждать возможность зимовки во льдах. Прозвучало имя Дэвида Льюиса[25]. Судя по всему, он провел зиму на судне аналогичных размеров во льдах залива Прюдс на австралийской территории Земли Королевы Мэри[26] с командой, состоящей всего из шести человек, среди которых были две женщины. Очевидно, в этом нет ничего невозможного, и встреча завершилась согласием Уорда выделить первую сумму, включающую стоимость судна, которое, по мнению миссис Сандерби, обойдется им значительно дешевле двухсот тридцати тысяч долларов США, запрошенных обанкротившейся норвежской экспедицией.

Цель встречи в кают-компании «Катти Сарк» явно состояла в том, чтобы повлиять на решение Уорда. И как только он дал согласие, не заставила себя долго ждать и поддержка всех трех организаций, чьи представители присутствовали на переговорах.

– Теперь все, что нам нужно, это благоприятная погода, двадцать пять часов в сутках и огромное везение, – подытожила миссис Сандерби.

Она поднялась на ноги, обводя собравшихся взглядом.

– Благодарю вас, джентльмены, за ваше время и помощь.

Ее глаза сияли.

– Вы не представляете, что это значит для меня лично, – прибавила она, улыбаясь.

В ее словах прозвучало необычайное волнение. И после того, как хранители корабельного наследия, распрощавшись, вышли в дверь возле буфета, оставив лишь нас троих в салоне, меня полностью захватила ее вдохновенность. Теперь, когда миссис Сандерби получила то, что хотела, она, казалось, вся лучилась энергией так, что, даже просто находясь рядом с ней, я почувствовал необыкновенный прилив сил, мое депрессивное настроение улетучилось без следа.

– Вы приехали на авто? – обратилась она к Уорду.

– Нет, на речном трамвае.

– Может, я вас, в таком случае, подвезу?

Он отрицательно помотал головой.

– Я бы хотел вернуться тем же путем. На реке много интересного. Кроме того, мне нужно кое о чем подумать, сами понимаете. Мне никогда раньше не приходилось иметь дело с такими людьми. Я имею в виду адмиралов и директоров музеев и морских обществ. Все это для меня в новинку. Ну и отчасти дело в том, во что я собираюсь ввязаться. Шесть

[24] Земля Королевы Мод – область на побережье Антарктиды.

[25] Дэвид Генри Льюис – морской путешественник, совершивший поход в Антарктику. Автор ряда книг.

[26] Земля Королевы Мэри – часть территории Антарктиды.

месяцев или, возможно, год, если мы застрянем во льдах, разыскивая судно, в существовании которого я совсем не уверен.

– Но вы же читали записи, которые сделал Чарльз, – сказала она жестко. – Вы прекрасно понимаете, что он, по всей видимости, сделал описание корабля сразу же после того, как наблюдал его. Мы об этом говорили с вами по телефону, и я тогда объяснила вам, что есть один штурман, который, я уверена, видел то же, что и мой муж.

– Да, но вы не представили этого человека. Вы даже не назвали мне его имя и не сообщили, как с ним связаться.

– Да.

Они уставились друг на друга с такой враждебностью, что, казалось, даже воздух в этом обшитом деревом зале вдруг стал холоднее.

Наконец Уорд прервал тяжелое молчание.

– Черт! – проворчал он. – Какое это имеет значение?

– Что вы имеете в виду? – сверкнула она глазами.

– Только то, что мне, в общем, все равно, как там обстоит дело. Существует ли корабль где-то, кроме воображения вашего мужа, или нет, для меня не так и важно. Вы говорите, этот ваш безымянный штурман тоже его видел?

– Думаю, да.

– Ладно. Но я бы хотел повидать его перед тем, как он станет штурманом в нашей экспедиции. Где я могу с ним встретиться?

– В Пунта-Аренас. И то если он согласится.

– Где он сейчас?

– Где-то в Южной Америке.

По тому, как она отвернулась, и по выражению ее лица было ясно, что она не намерена больше отвечать на вопросы. Уорд немного помолчал, потом слегка пожал плечами.

– Ладно, как вам будет угодно. Но вы поймите, девушка, это *мои* деньги, и вы не примете никого в команду, пока я сам не проверю каждого. О’кей?

Далее он заговорил едва ли не раздраженно:

– Если мы найдем корабль – прекрасно, но я не сильно расстроюсь, если мы его никогда не увидим. Как я уже говорил, я получил кое-какие деньги и теперь хочу с их помощью сделать то, что всегда хотел сделать. Корабль только предлог.

Неожиданно его лицо озарилось улыбкой.

– Хорошо, если он там есть, но для меня важен сам поиск.

Его поведение, его манера держаться, то, как он на нас смотрел, все это было настоящим спектаклем. Он играл свою роль, а мы были его зрителями.

– Сам поиск, – повторил он и улыбнулся своей обаятельной улыбкой, протягивая левую ладонь. – Буду думать об этом всю обратную дорогу в Глазго, миссис Сандерби. О вас тоже. Дайте мне знать, когда уладите вопрос с кораблем и ценой, и я поговорю с юристами, которыми я уже обзавелся, и с бухгалтерами, пусть проверят расчеты.

И он покинул нас. Выходя из салона, он держал на лице широкую улыбку, так актер удаляется за кулисы в конце отыгранной сцены.

Реакция Айрис Сандерби была подобна моей.

– Господи! – выдохнула она и, раздраженно мотнув головой, слушала его шаги, пока он поднимался на палубу. – Еще чуть-чуть, и я бы…

Она замолчала, криво усмехнувшись, потом схватила портфель и принялась запихивать в него свои бумаги.

– Вы думаете, этот его акцент настоящий?

Обернувшись, она взглянула на меня.

– Да?

Я пожал плечами.

– А это имеет значение?

– Да, имеет, – сказала она чуть ли не в отчаянии. – Этот человек слишком себе на уме, слишком притворный. Если я тут не могла терпеть его представление, то как, черт возьми, я это вынесу на тесном корабле?! Месяц за месяцем, вы же понимаете, если мы застрянем во льдах, возможно, на всю зиму. *Dios mio!*[27]

Она стояла, глядя на свое отражение в зеркале буфета. В эту минуту воцарилась мертвая тишина.

– Проблема в том, – продолжила она, медленно выговаривая слова, – что этот человек – почти последняя моя надежда.

Щелкнув замком, она заперла свой портфель и направилась к двери.

– Я обивала пороги крупных компаний, пока мне не осточертели люди, старающиеся не сказать мне прямо, что мой муж был чокнутым. И эти бесконечные письма…

Она помотала головой.

– Если бы не адмирал…

Обернувшись, она снова взглянула на меня, протягивая пухлый портфель.

– Все эти мои заметки и справки, – сказала она сердито, – ему это ничего не нужно. Эго величиной с гору. И этот его шотландский акцент… Адмирал сразу это понял.

– Что понял?

– Его нежелание. Что это для него просто игра. Он только из любопытства приехал сюда из Шотландии. Водитель грузовика из Глазго, «мне никогда раньше не приходилось иметь дело с такими людьми».

Она довольно точно воспроизвела его произношение.

– Адмирал сразу это понял, – повторила она. – Тонко он с ним обошелся.

– Вы имеете в виду это его «начистоту» насчет инвалидности, подвергающей опасности жизни остальных?

– Конечно. Вы же не думаете, что это обычное поведение адмирала? Это для него нетипично. Но он увидел нежелание Уорда, понял, что тот не намерен раскошеливаться, поэтому сразу же надавил на самое уязвимое место.

Разволновавшись, она снова пошла к двери.

– Куда вы едете, на вокзал на Ливерпуль-стрит, да?

Я подтвердил кивком, и она предложила меня подвезти.

– Я все равно поеду через Сити. Мне нужно в Аргентинское посольство на Кадоган-Гарденс.

Студента я увидел вновь, когда мы прощались с капитаном «Катти Сарк», он стоял возле информационного стенда. Он задержался там, пока мы шли к выходу, потом неспешно двинулся через палубу. Он вышел из тени на солнце, когда мы были уже у кормы корабля.

– Вижу, ваш бойфренд не спускает с вас глаз.

Я это сказал в шутку, но она отнеслась к моим словам иначе.

– Он мне не бойфренд.

Ее слова прозвучали нервно, и она даже не обернулась взглянуть, о ком я говорю.

– Вы с ним знакомы, не так ли?

Она ничего не ответила, и до ее машины мы шли молча. Пока она открывала дверь, он прошел мимо нас по расположенному выше тротуару с большими квадратными цветочными вазами, ведущему к киоску и на «Джипси Мот» Чичестера. Он держался ближе к противоположному краю дорожки, и, поскольку мы были значительно ниже, мне были видны

[27] Боже мой! (исп.)

лишь его голова и плечи, пока он не спустился и не повернул направо к подземной парковке, принадлежащей Британскому легиону[28].

Склонившись над багажником авто, она перекладывала свои вещи и его не видела. Рядом с нами стояла семья туристов, беседуя с пожилым мужчиной, только что вышедшим из паба «Джипси Мот».

– Теперь она называется Чёрч-стрит[29], – сказал он им. – Потому что на ней церковь Св. Элфиджа. Но раньше, до того как сюда пригнали этот корабль и снесли все дома вокруг, чтобы построить для него док, на этой улице были магазины и жилые дома аж до самой пристани. Биллингсгейт-стрит ее прежнее название.

Они пошли дальше, потом послышался детский голос, требующий мороженого. Мы уселись в машину и поехали. Оглянувшись назад, когда она поворачивала на подъездную дорогу к училищу, я увидел ярко-красный открытый спортивный автомобиль, выскочивший с улицы напротив паба «Джипси Мот», с мужчиной за рулем и пустым местом рядом с водителем. Он последовал за нами, когда мы у входа Королевского военно-морского училища свернули направо, затем еще раз направо, выезжая на улицу.

Я сказал ей, что он нас преследует, на что она ничего не ответила, но на ее лице появилось твердое выражение, и она взглянула в зеркало заднего вида.

– Кто это? – спросил я ее. – Что ему нужно?

Она не ответила и, когда я повторил вопрос, покачала головой.

– Он студент или просто турист?

– Полагаю, студент.

Далее она вела молча, направляясь к реке, пока мы не доехали до шоссе и не повернули к северу. Я несколько раз оглядывался, но только на въезде в Блэкуоллский туннель под Темзой мельком заметил красный спорткар, виляющий среди машин позади большого цементовоза. Она его тоже заметила и сменила ряд, надавив на педаль газа так, что мы едва не уткнулись в задний бампер идущего впереди автомобиля.

– Думаете, он гонится за нами?

Мне пришлось перекрикивать шум двигателей, отражающийся от стен туннеля. Она утвердительно кивнула.

– Почему?

– А вы как думаете? – прокричала она.

Она сжала губы в тонкую линию, зло сверкая глазами. Я пожал плечами. Ко мне это не имело никакого отношения. Однако у меня было тягостное предчувствие, что все может стать иначе, если я попаду на ее корабль в Антарктике.

– Кто он? – опять спросил я, когда мы снова оказались в относительной тишине наземного потока транспорта.

– Его зовут Карлос, – сказала она, ударив рукой по рулевому колесу. – Это он послал этого чертова маленького мерзавца. Один из его мальчиков, но он ему к тому же еще и родня. Даже внешне на него похож.

– На кого похож?

– На Ангела.

Она искоса взглянула на меня своими необыкновенно синими глазами и рассмеялась.

– О, вам он понравится.

– Кто такой этот Ангел? – спросил я.

Продолжая глядеть на меня, она едва не въехала в идущий впереди автомобиль.

---

[28] Британский легион – организация ветеранов войны Великобритании.

[29] «Чёрч» по-английски значит «церковь».

– Вы правда хотите знать? Он мой сводный брат, невероятно красивый, как этот мальчишка. И он страшный бабник, – прибавила она злобно. – Имеет каждую девку, что попадается ему на пути. По-всякому. Больше всего он любит заставлять их ползать на четвереньках с задранными вверх задницами, и тогда он…

Она глянула на меня с едва уловимой улыбкой.

– Вижу, вас это шокирует, но он вот такого сорта мужчина.

Подрезая грузовик, она неожиданно свернула в другой ряд.

– *Dios mio!* Мне ли не знать.

Немного помолчав, она сказала:

– Это в нем итальянская кровь, доставшаяся от той проститутки по имени Розали Габриэлли.

Она неожиданно свернула налево, съезжая с шоссе. Бросив на меня еще один взгляд, она весело хохотнула, и ее глаза засияли от непонятного мне возбуждения.

– Не волнуйтесь вы так. Я думаю, что там, во льдах моря Уэдделла, у похоти нет шансов. Вы будете в безопасности.

И снова она хохотнула тихим хриплым смехом.

Дорожный знак информировал, что мы на Ист-Индия-Док-Роуд. Она притормозила перед светофором.

– Простите, мне не следовало говорить о своей семье. Мы не всегда пример для подражания.

Она слегка пожала плечами.

– Но это, пожалуй, относится ко многим людям.

Включился зеленый свет, и она повернула налево в боковую улицу.

– Вы когда-нибудь ездили на Доклендском легком метро? Похоже на эстакадную электричку в Нью-Йорке до того, как там понастроили небоскребов. Я высажу вас около здания редакции «Дейли телеграф». Там вы на метро доедете до Тауэра, а оттуда до вокзала на Ливерпуль-стрит рукой подать, можете пешком или на подземке.

Она еще раз свернула налево в убогую узкую улочку, в конце которой виднелась река, затем направо, откуда стало видно больше воды, и, развернувшись, поехала назад тем же путем. Река мелькнула еще раз, потом мы проехали через ворота каких-то доков.

Я взглянул через плечо. Спорткара не было видно.

– Где мы? – спросил я.

– На Собачьем острове[30]. В Вест-Индских доках.

– Похоже, вы тут хорошо ориентируетесь.

– Я тут живу.

– Почему?

– Потому что дешево. У меня тут пара комнат в доме, который будут сносить.

Мы выехали на высокую набережную Южных доков, к двум массивным зданиям с большой площадью остекления, облицованным похожими на гранит плитами, позади которых между опор поднятой над землей железной дороги повсюду виднелись высокие козловые краны застройщиков.

– Через пару лет от старых улиц Тауэр-Хэмлетс[31] ничего не останется.

– Наверняка в Лондоне есть и другие районы с таким же недорогим жильем, – заметил я. – Почему вы выбрали именно этот?

– Вы задаете слишком много вопросов.

---

[30] Собачий остров – район Лондона, с трех сторон окруженный Темзой.

[31] Тауэр-Хэмлетс – район Лондона.

Обогнув круглые столбы железной дороги, она остановилась около второго из двух зданий с застекленными фасадами.

– Я люблю воду, а здесь река и доки вокруг.

Она кивнула на железную лестницу, выкрашенную в фирменный синий цвет Докленд-ского метро и уводящую наверх к маленькой станции.

– У меня есть ваш адрес и телефон. Я свяжусь с вами. Надеюсь, это будет через две-три недели.

Поблагодарив ее за то, что подвезла меня, я выбрался из машины. Она уехала, и я ее не видел до тех пор, пока полиция не вызвала меня из Норфолка для опознания тела женщины, которое они выловили из Южных доков. Ее тело, когда его при мне вытащили из холодиль-ника и сняли пластиковое покрывало, выглядело так, будто ее до смерти изрубили топором.

Глава 2

Кроме того дня я с ней больше не встречался, и те ужасающие останки, которые показали мне в больничном морге, опознать было довольно трудно. Телосложение было примерно таким же. Это и все, что я мог им сказать. «Обратите внимание на ее одежду и на кольцо на пальце», – сказали они мне. Но мне было неизвестно, какая одежда была у Айрис Сандерби, и колец у нее могло быть сколько угодно. Определенно, я не заметил у нее кольца, когда сидел напротив нее в кормовой кабине «Катти Сарк» и когда ее руки лежали на рулевом колесе, пока она везла меня по Блэкуоллскому туннелю и на Собачьем острове.

Я спросил их, почему они решили, что я смогу им чем-нибудь помочь, и они сказали, что водолазы нашли на дне дока сумочку. В ней были обнаружены остатки нескольких писем, одно от Виктора Веллингтона, другое от меня, остальные отправлены с аргентинских адресов.

– У вас есть причины полагать, что она могла совершить самоубийство?

Этот вопрос инспектор задал мне как бы между делом, когда мы вышли под моросящий дождь, то и дело в тот сырой день превращавшийся в ливень.

– Как раз наоборот, – ответил я. – Она была полна планов на будущее.

И я вкратце рассказал ему о затерянном во льдах корабле и о судне, ожидавшем нас на Огненной Земле. Но он уже об этом слышал.

– Мистер Веллингтон сказал мне то же самое, и в Глазго я переговорил с человеком по фамилии Уорд. Как я понял, он собирался профинансировать экспедицию.

Он кивнул, сутулясь от налетающего ветра.

– Значит, это убийство.

Обернувшись, он бросил на меня быстрый внимательный взгляд.

– У вас есть на этот счет какие-нибудь соображения, сэр?

– Нет, откуда?

И я повторил ему, что на встрече на «Катти Сарк» я ее видел первый и последний раз. Но потом я вспомнил студента, по ее словам, родственника, и я рассказал, как он наблюдал за ней, когда она парковалась около паба «Джипси Мот», как он смотрел на нас сверху через потолочное окно салона на «Катти Сарк», а потом преследовал нас на своем ярко-красном спортивном автомобиле.

– Она назвала его имя?

– Карлос, – сказал я.

– А фамилия?

На этот вопрос я ответить не мог, и он наконец поблагодарил меня за сотрудничество.

– Если вам станет известно еще что-нибудь…

Немного помедлив, он продолжил:

– Думаю, мне следует сказать вам, что состояние тела не позволяет определить причину смерти. Патологоанатом склоняется к версии, что она утонула. Раны на голове и шее, – добавил он, помолчав, – результат, вероятно, того, что тело было втянуто в водоворот корабельным гребным винтом. Мы навели справки, и оказалось, что на одном из судов Морского общества регулярно запускают двигатели, и обычно на малом ходу, для смазки вала винта. Вахтенный как раз это делал ночью перед тем, как нам сообщили об обнаружении трупа.

– Значит, это могло быть несчастным случаем?

– Могло, – кивнул он. – Похоже, у нее, с тех пор как она сняла комнату на Мелиш-стрит, появилась привычка прогуливаться по вечерам с собакой своей хозяйки. Иногда довольно поздно. Она любила прохаживаться вокруг доков. Так что да, это могло быть несчастным случаем, тем более что в тот вечер, когда она исчезла, она уже выгуляла собаку.

Однако по его лицу я понял, что он считает это маловероятным.

– В последний раз ее заметили у реки в конце Куба-стрит у пирса Южного дока. Следует сказать, что двое мужчин видели молодую женщину похожей наружности в одиночестве и без собаки. Они выпивали в «Северном полюсе», поэтому не смогли назвать точное время. Оба они сказали, что оставались в пабе до его закрытия.

Мы подошли к полицейской машине, и он остановился с ключами в руке.

– Сначала она собиралась высадить вас у вокзала на Ливерпуль-стрит, вы сказали. Это было ей по пути. Вы не знаете, куда она направлялась до того, как изменила цель поездки?

– По-моему, она говорила о Кадоган-Гарденс, ей было что-то нужно в Аргентинском посольстве.

– И потом, когда она обнаружила, что ее преследуют, она свернула с шоссе и направилась к себе на Собачий остров. Она была напугана?

– Не знаю, – ответил я. – Возможно. По ее лицу этого видно не было. Скорее раздражена, а не испугана.

– Вы разглядели номер его авто?

Я отрицательно покачал головой.

– Между ним и нами было еще три машины. Точно могу сказать лишь то, что это был открытый спорткар красного цвета.

Еще раз я повторил то, что уже говорил ему: напряженное смуглое лицо парня за рулем, его развевающиеся на ветру черные волосы, когда мы выехали из Блэкуоллского туннеля, четко отпечатались в моей памяти.

– Мы составим его фоторобот, но это вряд ли нам что-то даст. Автомобиль – другое дело. Не так много кабриолетов порше у нас в стране.

Он предложил подвезти меня до ближайшей станции метро, но я сказал ему, что лучше пройдусь. Меня слегка мутило. Я никогда раньше не видел трупов, и мне нужно было свыкнуться с воспоминанием об изрубленном, почти обезглавленном теле с мраморно-бледной кожей и открытой раной на бедре.

Инспектор кивнул. Думаю, он все понял.

– Я свяжусь с вами, – сказал он, садясь в машину. Потом прибавил: – Мы не разглашаем причину смерти, пока, по крайней мере. Понимаете?

И он уехал в восточном направлении, а я направился в сторону Лаймауза и Доклендского метро. Мне нужно было подумать, и то окружение, среди которого она жила во время своего пребывания в Англии, могло мне в этом помочь. Улица оканчивалась, насколько я знал, в Айленд-Гарденс на южной окраине Собачьего острова. Оттуда я мог пройти по пешеходному туннелю под Темзой в Гринвич. Если повезет, мне удастся переговорить с Виктором Веллингтоном. Он тоже видел труп, и вместе мы, возможно, вспомним что-нибудь, что позволит более точно установить личность погибшей.

Но мне не давала покоя мотивация. Если это сделал тот ее молодой родственник, значит, существует какая-то причина, что-то личное, и, вспоминая ее бурную реакцию, когда она увидела, что он нас преследует, я подумал, может, мне следовало в точности передать инспектору ее слова?

Доклендское легкое метро пока еще было в новинку, его выкрашенная синей краской станция с застекленным сводом блестела от влаги. Поезд уже стоял – пара угловатых, с большими окнами вагонов синего цвета с надписями, предупреждающими об их автоматической работе. Он отправился почти сразу, как я вошел, и, сидя спереди в толпе туристов и без машиниста, я ощущал себя путешествующим на игрушечной железной дороге. Когда поезд свернул с Фенчёрч-стрит и поехал в южном направлении по эстакаде над Вест-Ферри-стрит, весь Собачий остров открылся перед нами как на ладони. Изморось сменилась дождем, вода в следующих один за другим доках, над которыми мы проезжали, была темной и пятнистой,

а между ними блестели острова бурой земли, изрезанной оставленными тяжелой техникой колеями и утыканной лесом строительных кранов.

Мы проехали станцию Саут-Ки, что находилась как раз около издательства «Дейли телеграф», затем свернули к востоку, потом направились к югу над районом с недавно построенными вычурными зданиями по большей части отталкивающего вида. Кроссхарбор, Мадшут; к западу, за Миллуолл-Док, почти все здания снесены, улицы огорожены дощатыми заборами, а за рекой виднеются островерхие крыши Гринвича и мачты с реями «Катти Сарк».

Я попытался разглядеть Меллиш-стрит в просветах между новыми зданиями, но старых домов осталось совсем мало, и среди развернувшегося повсюду строительства было трудно представить, что она могла ощущать, живя там, выгуливая по вечерам собаку и постоянно думая о море Уэдделла и об оставленном несостоявшейся экспедицией корабле, ожидающем ее в Пунта-Аренас.

От станции Гарден-Айлендс было всего несколько минут ходьбы до входа в парк и круглого здания с застекленным куполом, из которого лифт спускал в Гринвичский пешеходный туннель. Небо над районом Блэкхит начинало светлеть, и величественная архитектура строений Рена с темно-серой водой, над которой они возвышались по ту сторону реки, являла собой совершенство гармонии. Я остановился, глядя на неожиданно пронзивший сумрак солнечный луч. Он осветил Королевское военно-морское училище и пересекающий Темзу паром. Также по реке к Блэкуоллскому плесу поднималась баржа, и вся картина была в духе Уильяма Тёрнера[32]. Сколько раз Айрис Сандерби приходила сюда, на самую южную точку Собачьего острова? Бессмысленный вопрос, ведь я даже не знал, сколько она вообще пробыла в Англии. Надо было спросить. Столько вопросов мне следовало бы ей задать, учитывая то ощущение, которое я испытал при первом взгляде на нее.

Лифт вмещал в себя до шестидесяти пассажиров, а возле входа висел телеэкран, показывающий северную часть туннеля со снующими туда и обратно туристами. Табличка гласила, что туннель был открыт в 1902 году и обошелся в сто двадцать семь тысяч фунтов, что его протяженность превышает тысячу двести футов, а глубина составляет от трехсот до пятисот футов ниже уровня воды в зависимости от состояния прилива. Когда я туда вошел, там было немало детей, их тонкие голоса эхом разносились по длинному, похожему на тоннель в метро проходу. Облицованный двумястами тысяч белых плиток, о чем сообщала табличка, он напоминал общественный туалет.

По-моему, Виктор Веллингтон был так же рад меня видеть, как и я его, поскольку, как только я спросил о нем, меня сразу же проводили в его кабинет.

– Плохо дело, – сказал он, поздоровавшись со мной.

Он повторил это еще три или четыре раза за те пятнадцать минут или около того, что я был у него.

– Нет, у меня нет никаких сомнений.

Это он сказал в ответ на мой вопрос, уверен ли он в том, что тело принадлежит Айрис Сандерби.

– Все дело в кольце, – произнес он и принялся его описывать – необыкновенно толстое, опоясанное, как ему показалось, полоской из прямоугольных рубинов и изумрудов.

– На левой руке, – сказал он. – Очень примечательное кольцо.

Я с сомнением покачал головой. Я не заметил никакого кольца.

– Плохи дела.

Его руки со сцепленными пальцами покоились на столе.

[32] Перт – здесь: город в Австралии.

– Нет ничего хорошего в том, чтобы увидеть человека, кого бы то ни было, в таком состоянии. Тем более человека, с которым знаком, сильную и интересную молодую женщину, исключительно необыкновенную, вы согласны?

– Да, исключительно необыкновенная, – согласился я. – И чрезвычайно энергичная.

– Энергичная, точно. Это сразу бросалось в глаза, своего рода сексуальная энергия.

Его глаза вдруг засветились, он слегка поджал тонкие губы, и я подумал, женат ли он, и если да, то какая у него жена.

– Ее не изнасиловали, видите ли, – добавил он. – Это убийство другого рода.

– Вы спрашивали?

– Да, конечно. Это первое, что приходит на ум.

– И вы не сомневаетесь, что это убийство?

– Это мнение инспектора. А чем это может быть еще? Или это, или самоубийство, а она не была человеком, склонным к самоубийству, тем более когда получила необходимую ей поддержку. И было бы странно, если бы она случайно упала в док. При ясном небе и почти полной луне. Если бы она была с собакой… Но она была без нее.

Он поднялся на ноги.

– Ее брат был среди «исчезнувших». Возможно, причина в этом.

– Что вы имеете в виду?

– «Исчезнувшие», вы разве не помните? – сказал он мне через плечо, направляясь к шкафам со множеством выдвижных ящиков. – Молчащие женщины, пикетирующие площадь в Буэнос-Айресе каждую неделю. Газеты много об этом писали два или три года назад. Немое обвинение в том, что их близкие исчезли. Около тридцати тысяч человек. Просто исчезли. Не может быть, чтобы вы не помнили.

Веллингтон выдвинул один из ящиков.

– Коннор-Гомес. Это его фамилия. И ее девичья тоже. А брата звали Эдуардо. Она о нем немного рассказывала, когда пришла ко мне в первый раз. Он был ученым. Биологом, она говорила, если не ошибаюсь.

Найдя нужную папку, он вытащил оттуда листок.

– Вот. Это обычное письмо с благодарностью за организацию той встречи на «Катти Сарк», а снизу приписка.

Он протянул мне письмо.

– Я, разумеется, отдал полиции его копию.

Это было напечатанное на машинке письмо, краткое и по делу, с вычурной подписью, оставленной на ее имени, напечатанном внизу, а еще ниже постскриптум, написанный трудночитаемым почерком:

«Корабль хотят заполучить другие люди. Не дайте им разубедить Уорда, пожалуйста».

Слово «пожалуйста» было жирно подчеркнуто.

– Вы связывались? – спросил я.

– С Уордом? Нет. Какой в этом смысл? От меня ничего не зависит, а он знает, что она мертва. Пресса осветила событие во всех кровавых подробностях.

Он протянул руку, чтобы забрать у меня письмо.

– Какая насмешка судьбы: только она нашла спонсора, к тому же довольно интересного. Он приезжал сюда повидаться со мной на следующий после нашей встречи день. Хотел побольше о ней разузнать.

Стекла его очков блеснули, когда он снова обернулся к шкафу.

– Про нее я не много смог ему рассказать, зато кое-что узнал о нем, достаточно, впрочем, чтобы понять, что он готов выделить приличную сумму на экспедицию. Видите ли, он не просто водитель грузовика. Уже не водитель. Теперь у него собственный бизнес и неболь-

шой парк дальнобойных монстров, которые на Ближнем Востоке гоняют через Турцию. Это современный вариант Великого шелкового пути.

Он замолчал, отыскивая папку, из которой вынул письмо. Потом, найдя ее, сказал:

– Я спросил его, какие он перевозит грузы, но он мало что об этом рассказал, как и о маршрутах. Не думаю, что это наркотики. Он не производит впечатления такого человека. Однако это что-то, приносящее хороший доход. Скорее всего, оружие. Вероятно, для Ирана или стран Персидского залива.

Задвинув ящик, он вернулся к столу.

– Очень жаль, – сказал он. – Она более полугода безуспешно пыталась изыскать средства в Южной Америке и Штатах. В конце концов, приехав в Англию, она сняла комнату на Меллиш-стрит, поближе к музею и вместе с тем недалеко от Сити, где надеялась найти деньги на экспедицию. Потом, когда различные учреждения отказали ей, она стала давать объявления в некоторых журналах. Так она нашла Уорда. Они оба довольно похожи друг на друга, не находите? Оба напористы, полны энергии.

Веллингтон снова уселся на свое место, склонился над столом и, глядя на меня в упор, неожиданно спросил:

– Как бы вы топили женщину?

Не дожидаясь ответа, он продолжил:

– Я спросил об этом инспектора. Вы должны держать ее голову под водой, естественно. Но, чтобы сделать это в Южных доках, вам самому пришлось бы быть в воде. И как бы вы оттуда выбрались? И, если даже вы нашли лестницу или что другое в этом роде, вы будете мокры до нитки и к тому же перепуганы. Кто-то наверняка видел бы этого человека. Я хочу сказать, вы бы не забыли такое, правда? Инспектор, по крайней мере, придерживается такого мнения.

– Ее могли утопить дома, в ее ванне, например, – возразил я, – затем привезти в доки и сбросить в воду.

Мы все еще обсуждали разнообразные возможные варианты, когда вошла его секретарша и объявила, что его ждет адмирал и вся группа моделистов в сборе. Он кивнул, поднимаясь на ноги.

– Плохи дела, – снова повторил он, пока мы шли с ним к двери. – И вам не повезло. Могли бы сделать себе имя на подобном проекте. С другой стороны, может, и хорошо, что вы не ввязались в него.

– Что вы имеете в виду? – спросил я.

Он медлил с ответом, и я прибавил:

– Речь о приписке в ее письме?

Мы остановились в коридоре за дверью его кабинета.

– Нет, об Уорде.

Помолчав в нерешительности, он сказал:

– Понимаете, не было никакого выигрыша на тотализаторе. Эти деньги пришли к нему из какого-то другого источника.

Когда я спросил его, откуда ему это известно, он, пренебрежительно хохотнув, сказал:

– Очень просто, я созвонился с парой крупнейших операторов.

– Вы хотите сказать, что у него нет миллиона?

Он пожал плечами.

– Этого я знать не могу. Единственное, что могу сказать, если у него есть такие деньги, то он получил их не на тотализаторе.

Улыбаясь, он стоял и смотрел на меня.

– Очень скверно все вышло.

Больше ему предложить мне было нечего, конечно, но, прежде чем уйти обсуждать модели кораблей, он, проявляя ко мне добросердечность, сказал, что будет иметь меня в виду, если кому-то понадобится консультация по поводу консервации древесины.

Выпив в музейном кафетерии чашку кофе с сэндвичем, я вернулся через туннель на Собачий остров. Я не воспользовался метро, а по Уэст-Ферри-Роуд дошел до Меллиш-стрит. В начале улицы были дома и немного деревьев, но за пабом «Лорд Нельсон», на углу того, что застройщики оставили от Ист-Ферри-Роуд, начинались отгороженные заборами стройки с пыльной тяжелой техникой. Единственное, что осталось от Меллиш-стрит, – пабы. Одинокие и величественные, они ожидали прихода служащих среднего звена. «Корабль», «Роберт Бёрнс», «Вулкан», «Телеграф», «Кингсбридж Армз». Рядом с «Циклопс Уорф» и «Ки Уэст» длинный участок забора был обклеен плакатами с видами Гринвича: спортзал, ресторан, плавательный бассейн, стадион с беговыми дорожками, площадки для игры в сквош, тенистые скверы, мощенные булыжником улицы, булочная, «Айленд клаб», речной трамвай и много прочего в том же духе.

А потом я вышел к Тиллер-Роуд, где еще осталось что-то от типичного для Тауэр-Хэмлетс недорогого послевоенного здания. Начиналась Меллиш-стрит с таких же сложенных из шлакоблоков двухэтажных многоквартирных домов с ржавыми оконными рамами и бетонными плитами крылец, а за ними упирались в небо многоэтажные высотки. Но с середины улицы, от номера двадцать шесть и дальше, еще сохранились настоящие старые таунхаусы с окнами гостиных, выходящими в небольшие передние палисадники.

В одном из этих домов она и жила, как раз в конце улицы, где росло одиночное дерево.

Не знаю, чего я ожидал от этого визита, но на мои многократные звонки так никто и не вышел. Не считая чернокожего мальчика, пытающегося встать на скейтборд, улица была совершенно безлюдна, несколько припаркованных машин, и больше ничего. Я постучал в дверь, но изнутри не донеслось ни звука, даже собака на залаяла, но в окне соседнего дома дернулась занавеска, и я заметил хлопковое платье и острое морщинистое лицо его хозяйки с глазами, полными любопытства.

Она, должно быть, ждала меня за дверью, так как открыла сразу же, как я позвонил.

– Доброе утро.

Я не подумал заранее, о чем буду ее расспрашивать, и какое-то время мы стояли, глядя друг на друга в неловком молчании. Глаза у нее были серые и слегка водянистые.

– Я хотел узнать, что стало с собакой, – сказал я неуверенно.

– С Мадфейс? Она забрала ее с собой в Поплар к своему брату. Вы из полиции? Она по горло сыта полицией.

– Нет, – сказал я, – я знал миссис Сандерби.

– Ту, что убили?

Ее глаза загорелись, настоящая представительница Ист-Энда.

– Откуда вы знаете, что ее убили?

– Ну, этого я не знаю. Но такие ходят слухи. В газетах не пишут прямо, что это было убийство, но намекают именно на это. И то, как она была изрублена, мурашки бегут по коже от одной только мысли об этом. Так чего вы хотите тогда?

Я принялся расспрашивать ее об Айрис Сандерби: в каком часу она обычно выходила с собакой по вечерам, приходили ли к ней посетители. Я описал ей студента, которого видел на «Катти Сарк» в тот день. Я не стал ей говорить, как он нас преследовал, и не упомянул его имени, Карлос, но рассказал о красном открытом спортивном автомобиле, и она кивнула, как только я это сказал.

– Он поставил ее под тем деревом. Я вышла поговорить с Тэффи Биллинг, и эта маленькая красная машина выехала с Миллхарбор и остановилась вон там.

Ее описание водителя совпало с внешностью студента. Он не вышел из машины. Он так и остался сидеть в ней, как будто кого-то ждал.

– Когда это было?

Она не смогла назвать мне число, но то была среда, сказала она, около двух недель назад. Дело было ближе к вечеру, а это значит, что он снова напал на ее след после того, как она меня высадила на станции Саут-Ки. Или, может, он как-то смог все время не упускать нас из виду.

– Он разговаривал с ней? – спросил я. – Он заходил в дом?

Она помотала головой:

– Нет, такого я не видела, а я выглядывала время от времени в течение часа, думаю. Потом она вышла и уехала на своей маленькой машине. И как только она скрылась из виду, он развернул эту свою маленькую красную зверюгу и умчался за ней следом.

– Вы говорили об этом полицейским?

Она покачала головой.

– Меня не спрашивали, да и зачем?

Полиция для нее явно была чем-то таким, чего лучше избегать.

Поблагодарив ее, я пошел прочь мимо дома, в котором миссис Сандерби прожила, должно быть, не меньше двух недель, мимо того дерева и, повернув налево, по Миллхарбор направился к Марш-Уолл и издательству «Дейли телеграф», а также к доку, где было найдено ее тело. Слева в отдалении виднелся узкий прямоугольный стенд газеты «Гардиан». Я входил в район новой кричащего вида застройки и только сейчас обратил внимание на пристрастие строительной корпорации к плоским фронтонам, которые я находил особенно отвратительными. На меня навалилась депрессия. Все это буйство архитектуры, мимо которой я шел, для чего это все? Несколько лет, и воздух Лондона с выхлопными газами приведет ее в такое же неряшливое состояние, в каком находится остальная часть района Тауэр-Хэмлетс. Мысль о трупе, плавающем в том доке с изрубленной в куски головой и верхней частью тела, органично дополняла унылую атмосферу Доклендса, причудливым языком свисающего в огромной речной петле[33].

Почему? Почему? Почему? Почему ее убили? После всех ее попыток доказать, что ее муж не ошибся, доказать, что он действительно видел корабль, а не галлюцинировал. Раздумывая над этой трагической иронией судьбы, над тщетой ее усилий, я шел к станции надземного метро Саут-Ки.

От здания редакции «Дейли телеграф» узкая дорожка уходила к докам и сходням, ведущим к ресторану «Le Boat», что расположился на верхней палубе корабля «Келтик Сёрвэйер» под каким-то подобием пластикового купола, не сочетающегося с остальной обстановкой. Входящий на борт журналист на корме сообщил мне, что корабль принадлежит их газете и был здесь поставлен, чтобы разместить в нем столовую для сотрудников. Он неодобрительно высказался о решении руководства о предоставлении верхней части коммерческой организации и поведал о том, что им пришлось немало побороться, чтобы принудить ресторан воссоздать на носу и корме оригинальное название судна.

– Менять название корабля – плохой знак, так ведь? «Le Boat»!

Эти слова он произнес с изрядным выражением. Снова пошел моросящий дождь, очень мелкий, почти что туман. Солнце скрылось за тучами, и черная вода в доке стояла совершенно неподвижно. Владения «Дейли телеграф» были отгорожены забором от остальной территории дока. Я ухватился за колючую проволоку, намотанную на столб у самой стенки дока, и, проделав почти акробатический трюк над водой, перелез на другую сторону. За широким галечным участком вытянулся ряд аккуратных кирпичных строений с офисными

[33] Собачий остров и соседние территории на карте напоминают висящий язык.

и жилыми помещениями, обращенными фасадами к причалам, где были пришвартованы плавсредства Морского общества, представленные буксиром «Портуэй», каботажным судном «Робин» за ним и кораблем «Лидия-Ева», замыкающим ряд.

Вода между ними стояла грязная и замусоренная, до ее поверхности было от шести до восьми футов. На равном расстоянии друг от друга по всей протяженности дока располагались вертикальные железные лестницы, заржавевшие и поросшие водорослями. Именно здесь и было выловлено из воды тело Айрис, как раз под носом буксира, где в вязком слое масла бултыхались выброшенная пластиковая упаковка, старое тряпье и обломки дерева. Мне нужно было спросить ту женщину с Меллиш-стрит, приходил ли к миссис Сандерби кто-нибудь в тот вечер, когда она была убита, заметила ли соседка припаркованный снаружи автомобиль. Теперь, когда я собственными глазами увидел док, я окончательно утвердился в убеждении, что ее туда столкнули.

Я пошел назад по строящимся кварталам на Марш-Уолл. Рабочий в строительной каске забивал стальные стержни, торчащие вокруг основания круглой колонны, поддерживающей надземную железную дорогу; инструмент, которым он это делал, вздымал в воздух тучи пыли и издавал шум, подобный отбойному молотку. Я попытался представить себе это место ночью, когда здесь нет строителей: тихо, горят фонари, на стройплощадках также есть кое-какое освещение, но местами лежат глубокие тени, и вокруг ни души, проезды между зданиями черны как шахты. Он мог ударом ее оглушить, а затем столкнуть. Место пустынное, и никто бы не услышал ее вскрика или всплеска, когда ее тело упало в воду. По рельсам над головой прогрохотал поезд, и я задался вопросом, до которого часу они ходят? Мог ли кто-нибудь из вагона увидеть ее, стоящую там с Карлосом?

Указатель почти напротив меня на другой стороне улицы сообщал, что там есть лестница вниз. Перейдя дорогу, я увидел перед собой два пролета новых кирпичных ступеней, ведущих вниз с высокой, поросшей травой насыпи, устроенной, чтобы удерживать воду в доке. Спустившись по лестнице, можно было выйти на Манилла-стрит. Путь лежал мимо фирмы «Лемантон и сын», импортирующей древесину, основанной в 1837 году, как свидетельствовала вывеска, напротив же расположился паб с невероятным названием «Северный полюс». К тому времени я уже изрядно устал и проголодался. Внутри было не протолкнуться от рабочих, и поначалу я подумал было, что это просто пивная, но, когда мои глаза привыкли к полумраку, я заметил вышедшую из-за барной стойки официантку с тарелкой сэндвичей. Это была крупная темнокожая девушка, соблазнительно виляющая обтянутым черными джинсами задом, что дополнялось белозубой улыбкой и манящим взглядом черных глаз.

Я заказал светлого пива, и, когда она принесла мне толстый бутерброд с ветчиной, я спросил ее, не приходилось ли ей обслуживать молодую женщину, чей труп был найден в доке.

– Она когда-нибудь приходила сюда? – спросил я. – Вы ее знали?

Официантка замерла с тарелкой в руках, ее глаза стали непроницаемыми, улыбка испарилась и исчезла легкость в движениях, отчего она сразу стала немолодой и усталой. Покачав головой, она со стуком поставила блюдо на стол и быстро отвернулась. Я не ожидал столь бурной реакции на заданный случайным встречным вопрос. У меня не было сомнений, что он ее испугал.

Поедая свой сэндвич, я продолжал за ней наблюдать, и она больше ни разу не улыбнулась и не прошла поблизости. Деньги у меня взяла другая девушка, но, выходя из паба, я чувствовал, что она украдкой смотрит на меня.

Весь путь назад в Сити и на вокзал на Ливерпуль-стрит меня не покидала уверенность, что она что-то знает. Но что именно? В конце концов я постарался не думать об этом. Ясно,

что она будет все отрицать, так что нет никакого смысла кому-то об этом говорить. Но когда полиция наконец поймает Карлоса и начнет готовить дело в суд…

Мысли об этой девушке и ее небрежности, из-за которой ее сумочка оказалась в воде, ночью снова не давали мне покоя. Лежа в темноте без сна и раздумывая о ее обнаженном теле в том оцинкованном холодильном ящике, я вспомнил, как она вдруг заговорила о тех, кого, как я узнал позже, называют «исчезнувшими». Это было как раз в ту минуту, когда мы выехали из Блэкуоллского туннеля и она увидела едущего за нами молодого Карлоса.

– Очень многих убили, – пробормотала она, глядя в зеркало заднего вида.

– Что вы имеете в виду? – спросил я, и она обернулась ко мне.

– Эдуардо один из них, – сказала она. – Эдуардо – это мой брат. Мой младший брат. А этот маленький ублюдок…

Она кивнула на зеркало.

– Он что здесь делает? Зачем Ангел прислал его?

И она продолжила говорить о своем сводном брате, о низости, на которую тот способен.

Тогда я вспомнил кое-что еще, сказанное ею.

– Он ненавидел Эдуардо.

Когда я поинтересовался почему, она ответила:

– Потому что он хороший человек, он – Коннор-Гомес. Не сицилиец. Мой отец рассказал ему, что Эдуардо…

Она замолкла, и я не узнал, что она собиралась сказать.

– Это было до того, как он сжег магазин.

Подрезая грузовик, она перестроилась в левый ряд, затем резко свернула налево перед дорожным знаком, указывающим поворот на Собачий остров.

Именно там мы оторвались от «хвоста». Тогда ее настроение изменилось, исчезла напряженность. Мне нужно было обо всем этом поведать инспектору, но в тот момент я этого не вспомнил. Слишком велико было мое потрясение при виде трупа, заслонившее в моем сознании все прочее. А потом мне об этом напомнил Виктор Веллингтон. Имела ли она в виду то, что на ее сводном брате, среди прочих, лежит ответственность за случившееся с «исчезнувшими»? Или она хотела сказать, что он был лишь сторонником хунты, военного режима, развязавшего в стране террор, или по крайней мере потворствовал ему? Я об этом знал совсем немного, только то, что читал в газетах после вторжения на Фолклендские острова. Впрочем, мне не было бы до этого дела, если бы я не познакомился с Айрис Сандерби и меня не вызвали бы в Лондон на опознание ее тела.

Чтобы избавиться от этих мыслей, на следующий день я устроил себе выходной, взял у приятеля яхту и повел ее к заповеднику близ Блейкни и там бросил якорь у галечного берега. Стоял один из тех безоблачных дней, что бывают на Восточном побережье, когда сияет солнце и дует легкий ветерок, в тот день северо-восточный силой 3–4 балла. В такие дни даже приезжие из более теплых краев обгорают на солнце. Я остался там на ночь, поймал немного рыбы и, приготовив из нее великолепный завтрак, на рассвете вернулся домой, где в мое отсутствие уже звонил Айан Уорд.

В оставленном на автоответчике сообщении он говорил, что видел газеты в то утро, и просил срочно ему перезвонить. Он дал свой номер телефона. Под «тем утром» он явно подразумевал утро предыдущего дня. Сам я газет не покупаю, но мой сосед дал мне взглянуть на его номер «Экспресс»[34], и там, в статье под заголовком «УБИЙСТВО В ДОКЕ», я увидел свое имя среди вызванных на опознание тела. Статья цитировала инспектора Брэкселла, заявившего, что точная идентификация, вероятно, станет возможна при наличии данных от

[34] «Дейли экспресс» – британская газета.

стоматолога жертвы, а поскольку погибшая являлась гражданкой Аргентины, понадобится некоторое время, прежде чем полиция Буэнос-Айреса получит необходимые сведения. Но даже в таком случае состояние тела затруднит опознание по зубам. Далее следовали фамилии привлеченных для идентификации лиц, моя среди них: «*Питер Кеттил, консультант по вопросам консервации древесины, который также беседовал с миссис Сандерби на конференции на борту "Катти Сарк", состоявшейся на прошлой неделе, вполне уверен, что найденное в доке тело принадлежит ей».*

Далее сообщались некоторые факты биографии Айрис Сандерби. Ее отец, Хуан Коннор-Гомес, был владельцем большого магазина в Буэнос-Айресе. Он совершил самоубийство непосредственно перед Фолклендской войной, потерпев крах из-за пожара, уничтожившего главное здание и товаров более чем на миллион фунтов. Ее брат Эдуардо, биохимик по профессии, исчез примерно в это же время. «*По данным полиции, нельзя исключать вероятность того, что это было политическое убийство. Возможно, это связано с тем периодом времени, когда люди исчезали по всей Аргентине, в особенности в крупных городах наподобие Буэнос-Айреса. Пока мы не получим детальной информации о данном семействе, которая была срочно затребована у полиции Буэнос-Айреса, причины этого жестокого убийства не будут раскрыты».*

Я сразу же позвонил Уорду, но никто не взял трубку, и мне удалось до него дозвониться только вечером.

– Вы уже готовы, Питер? – это первое, что он сказал.

На мой вопрос, что он имеет в виду, он ответил:

– Вы собрали свои вещи? Я уже купил два билета в Мадрид, вылет в воскресенье. Там переночуем и полетим самолетом «Иберия эйрлайнз» в Мехико. Встретимся у стойки регистрации «Бритиш эйрлайнз» в час дня, годится?

Поначалу я даже не знал, что и сказать, ошеломленный неожиданным оборотом событий.

– Вы хотите сказать, что экспедиция состоится?

– Ну да, – спокойно подтвердил он как что-то само собой разумеющееся. – Почему нет? Корабль там. Мы можем выйти на нем, как только приедем в Пунта-Аренас.

– Но…

Был уже вечер среды.

– Вы это серьезно? То есть… ну, вы же не можете отправиться в плавание по морю Уэдделла вот так. Нужны припасы, оборудование, одежда. Нужно все распланировать, очень тщательно распланировать.

– Я обо всем позаботился.

– Но…

– Послушайте, у меня есть опыт организации в сжатые сроки. Я послал тому норвежцу телеграмму, чтобы он подготовил судно к плаванию в течение недели и перевел необходимые на это средства в местный банк с инструкциями об оплате счетов. У вас есть паспорт, не так ли?

– Да.

– Действующий? Он у вас не просрочен?

– Нет, относительно новый.

Мои мысли разбегались, разыгралось воображение. Одно дело сидеть на встрече, как та на «Катти Сарк», рассуждая, есть ли там во льдах моря Уэдделла фрегат или нет, строя неопределенные планы об экспедиции для его поисков, и совсем другое, когда кто-то тебе говорит, что через четыре дня нужно выезжать в Антарктику.

– А визы? – сказал я. – Мне нужны визы. И деньги – дорожные чеки. Другой вопрос: во что мы будем одеты? Для подобных экспедиций нужна специальная одежда.

– Я все учел, – заверил он меня снова. – За мной деньги и одежда, самая современная защитная экипировка. Она, надеюсь, будет отправлена сегодня вечером. Правда, мне пришлось наугад указать ваш размер. С визами вопрос решит мой агент. Его офис в Лондоне, на Уиндмилл-стрит.

Он продиктовал мне адрес.

– Предоставите свой паспорт ему завтра к девяти утра, и Джонни Крик вернет его вам со всеми нужными визами до нашего вылета. О'кей?

– Нет, – сказал я. – Так не пойдет. Я в Норфолке, а не в Лондоне, и уже девятый час вечера.

– Да, конечно, я же вам не сказал. Мотокурьер из службы доставки «Норфолк флайер» заберет у вас паспорт завтра утром в полседьмого. И приложите свое фото анфас для копии. А когда будете в воскресенье утром забирать свой паспорт, заберите и мой тоже.

Сейчас его произношение, казалось, было совершенно свободным от акцента.

– Уиндмилл-стрит, – повторил он. – Это на север от площади Пикадилли по Шафтсбери-авеню, потом поворот. Вы найдете офис Джонни на третьем этаже. Не забудьте, хорошо? Мне нужно до самолета в Мадрид все успеть, а дел еще много. Подождите минуту, я скажу вам номер рейса.

– Послушайте, но это же безумие, – возразил я. – Никто не организовывает экспедиции вот так, в последнюю минуту, а уж тем более экспедицию в Антарктику. У вас даже нет еще корабля.

– Вот тут-то вы, приятель, и ошибаетесь. Я купил «Айсвик» на прошлой неделе, через два дня после нашей встречи в Гринвиче. Как назовем его, «Айан Уорд»?

То, как он это сказал, сам факт того, что он думает о смене названия, поспешность, с которой он готов ринуться в Антарктику, все это вдруг вызвало во мне подозрение, что я имею дело с человеком, страдающим манией величия. Тем не менее он производил впечатление вполне здравомыслящего. Дело, видимо, было в телефоне. Телефон подчеркивает интонации голоса, индивидуальные его особенности, незаметные, когда сопровождаются восприятием зрительного образа человека. Однако я вспомнил слова Айрис Сандерби: «Эго величиной с гору» – и ее мнение, что его акцент ненастоящий.

– Вы меня слышите?

– Да, слышу.

Что, черт возьми, я должен был сказать ему?

– Послушайте, вам работа нужна или нет?

– А я не знал, что вы предлагаете мне работу, – сказал я не задумываясь, просто чтобы отыграть время и найти ответы на вертящиеся у меня в голове вопросы. Если его турагент сможет в столь короткий срок добыть визы в две или три самых проблематичных в этом отношении страны Южной Америки, значит, или с ними будет что-то не так, или…

– Сколько вам будут стоить эти визы? – спросил я его.

– Это вас не касается. Но это будут настоящие визы, не подделки.

Я едва ли не увидел, как он улыбается на том конце провода.

– Разумеется, это будет стоить немного дороже, так как у нас нет времени ждать. Да, и если вас беспокоит финансовая сторона, то я не приглашаю вас просто на прогулку. Вы будете там работать, и я буду платить вам зарплату. Не бог весть какую большую, имейте в виду, но вам хватит на похороны, если мы попадем в неприятности и лишимся жизни. Тогда, если больше нет вопросов, вот вам номер рейса.

Он продиктовал.

– Терминал номер один.

– Я не собираюсь бросаться сломя голову в это дело, – сказал я. – Мне нужно время подумать.

– Времени у нас нет.

– Это почему же? – поинтересовался я. – Там пока еще зима. До весны времени предостаточно…

– Время года значения не имеет.

– А что же тогда? К чему такая спешка?

– Я вам это скажу, когда будем в Мадриде, не раньше. Теперь ответьте, вам нужна работа или нет? Мне нужен специалист по консервации древесины, человек, чье техническое заключение будет авторитетным, но это не обязательно должны быть вы.

Его голос стал твердым.

– Буду с вами откровенен. Вы отнюдь не являетесь самым квалифицированным экспертом из всех возможных. Максимум за неделю я найду кого-нибудь более компетентного, кто согласится прилететь ко мне. Так что будем считать, что вы уже подумали, о'кей? Встретимся на регистрации в тринадцать ноль-ноль в воскресенье. И не забудьте забрать у Джонни паспорта.

Раздался щелчок, и связь разорвалась. Продолжая стоять, я невидящими глазами глядел в окно, а в голове кружился хоровод беспорядочных мыслей. Я медленно положил трубку на место. Солнце уже садилось, соленое болото заливало золотистое сияние заката. Лучи освещали темные полосы воды, торчащие будки, в которых укрываются хранители заповедника и наблюдатели за птицами, пасущихся белых в черных пятнах коров, подставив зады северо-западному ветру, а вдали, за плоскими просторами заповедных болот, за бледно-желтой линией галечного берега у горизонта позади белого мостика танкера виднелась красная труба грузового судна, так далеко, что они, казалось, неподвижно замерли на месте.

Мать крикнула с кухни:

– Кто это был, сынок?

Я не ответил. Звук ее родного голоса еще больше подчеркнул ужасную тяжесть выбора, перед которым я был поставлен. Я стоял в гостиной принадлежащей нашей семье половины дома, расположенного на дороге к побережью в восточной части Клэя с его белой, как на открытке, ветряной мельницей. После того как умер отец, она стала моим кабинетом. Теперь я стал называть ее своим офисом.

– Кто-то, кого я знаю?

– Нет.

Я подошел к окну.

– Так, клиент.

– Ужин будет готов с минуты на минуту, так что завершай все свои дела.

Танкер и красная труба немного сместились, и я сейчас смотрел на эту картину с обостренной восприимчивостью. Этот вид стал для меня обыденным. Но сейчас все иначе, если я на рассвете отдам свой паспорт этому парню из «Норфолк флайер», а в воскресенье отправлюсь в Лондон, на Уиндмилл-стрит, а потом в Хитроу в час дня, чтобы успеть встретиться с Уордом у регистрационной стойки. И если я с ним полечу… Этот пейзаж вдруг стал для меня очень дорог.

Почти в конце нашей улицы аккуратных особняков на две семьи из своего дома вышел хранитель. Я смотрел на него, пока он, перейдя дорогу, направился по исхоженной тропинке к первой из будок. Даже зимой, когда дует арктический ветер, болота промерзают до дна, а протоки покрываются слоем льда, все присыпано мелким снегом, и его мелкие крупинки бьются в стекло со звуком, похожим на шелест шелка, даже в такую погоду это арктическое побережье Норфолка было по-своему очаровательно. И сейчас, глядя в окно, я чувствовал, как сжимается мое сердце.

Пунта-Аренас! Вот куда он предлагал мне отправиться, а я даже не посмотрел в своем школьном атласе, где это. Что толку, подумал я тогда, ведь Айрис Сандерби мертва. А теперь этот шотландец намерен самостоятельно возглавить экспедицию.

Почему?

Я прислонился лбом к холодному оконному стеклу. Ничего страшного, если я с ним встречусь, не случится. Я всегда могу отказаться лететь в последнюю минуту. Я мысленно перечислил вопросы, которые нужно будет ему задать.

– Ужин готов, сынок. Картофельное пюре с сосисками, любимая еда твоего отца. Иди, я кладу в тарелку.

– Хорошо, мам.

Я задержался еще на минуту, думая об отце. Он ни разу не был за границей. Трудно представить, но он даже никогда не бывал в Лондоне, едва ли вообще за всю жизнь выезжал за пределы Норфолка, и, когда мы переехали в Клэй, этот вид из окна его вполне удовлетворял. Но при этом, когда я сказал, что собираюсь участвовать в кругосветной регате «Уитбред», он и глазом не моргнул и не стал пытаться меня отговорить.

– Ужин на столе, сынок.

Иногда мне казалось, что остальной мир за пределами Восточной Англии для него не существует.

– Красивый закат. Твой отец больше всего любил это вечернее время, когда солнце садилось в чистом небе.

Она стояла в дверях, снимая свой передник.

– Ну, идем.

Я забрал у нее передник и бросил его на стол, где он увядшим лепестком упал на пишущую машинку. Я обнял ее за плечи.

– Я, возможно, уеду ненадолго.

– Да, когда?

Она всегда воспринимала мои решения со спокойствием. Слава богу, она привыкла к моим отъездам и приездам.

– Куда ты собрался на этот раз?

– В Пунта-Аренас, – ответил я.

– Испания?

– Да, примерно.

Этим я и ограничился. Я не стал говорить ей, сколько буду в отъезде. Да я и не знал этого, не знал даже, поеду ли вообще.

– Ты очень молчаливый, – сказала она, когда я разрезал сосиску с чудной хрустящей корочкой.

Мать всегда стремилась к совершенству, какой бы незатейливой ни была ее стряпня.

– Что у тебя на уме?

– Ты же знаешь, что у меня за ум, мам. Пустой, как перевернутый пивной бочонок.

– Я не пью пива.

Она уставилась на меня непонимающим взглядом. Коренная жительница Восточной Англии саксонско-голландских кровей, преданная, насколько это только возможно, она совершенно лишена чувства юмора. Шуточки отца отскакивали от нее, как градины от спины лебедя. Возможно, поэтому они так хорошо ладили. Остроумие отца никогда не простаивало, он был выходцем с Ист-Энда, истинный кокни. Его отец переехал из Степни[35] в Норфолк после Второй мировой войны, когда земля стоила дешево. Он продал свой рыбный ларь на рынке и купил несколько акров земли в Клэе. Я его не застал, только бабушку, родив-

[35] Степни – рабочий район в Лондоне, в Ист-Энде.

шуюся на улице Истчип в центре Лондона, чей смех напоминал кудахтанье. Они с отцом были очень близки, а когда она умерла, он все свое внимание обратил на меня. Нам с ним было очень весело, мы были с ним на одной волне, так сказать.

А потом с ним случился удар. Странная вещь человеческий мозг. В нем все – личность, острый ум, чувство юмора, все. И вдруг в миг все исчезает, тромб закупоривает кровеносные сосуды, обрекая клетки мозга голодать. А клетки мозга – единственная часть человеческого организма, которая не способна к восстановлению. Он больше никогда не был таким, как прежде, исчезла вся его веселость. Боже, как же я любил того человека!

Мать я любил тоже, разумеется. Но это было другое. Было что-то такое во Фреде Кеттиле, что не поддавалось выражению словами. Благодаря чему нам было так весело. И вдруг в один миг это исчезло. Один лишь пустой взгляд. Почему? Почему с человеком в расцвете сил происходит такое? Зачем же, черт возьми, Бог это делает?

– Ты смеялась над шутками папы, – сказал я. – Почему ж над моими не смеешься?

– Ты прекрасно знаешь, что я их не понимала. Я смеялась просто потому, что он от меня этого ждал. Но не над грубыми шутками, – прибавила она лукаво. – Ты же помнишь, что многие из них были очень солеными. Но он был весельчак. Такой весельчак!

Ее глаза заблестели особым образом, так, что я испугался, как бы она не разрыдалась. Мать очень легко пускала слезу.

Полагаю, причина здесь в воображении, и я с минуту сидел и молча раздумывал о том, что же это вообще такое, воображение, пытаясь насадить на вилку еще одну румяную маленькую сосиску. Почему у одного оно есть, а у другого нет? Что происходит в наших черепных коробках, что приводит его в действие? А когда мы умираем?..

Когда я ложился, я все еще размышлял об этом и о том, во что я собирался ввязаться. А утром курьер приехал почти на десять минут раньше, парень-поляк, тощий, как щепка, на большом мотоцикле BMW с пристегнутыми сумками по обе стороны. Он взглянул на конверт, который я ему отдал, на котором было написано «Дж. Крик». Он прочел адрес вслух.

– Я знаю, где это. В Сохо.

Он всунул мой паспорт в одну из сумок, уже раздувшуюся от пакетов.

– Хороший будет денек, думаю.

Отвернув голову в шлеме, он стал глядеть на полосу гальки вдали, ярко-желтую в лучах утреннего солнца.

Солнце меня и разбудило, заглянув в северо-восточное окно моей спальни и сияя мне прямо в лицо.

– Да, будет еще один прекрасный день.

Он кивнул, продолжая глядеть поверх соленых болот.

– Так, как там, откуда я приехал. Много равнин. Я люблю равнины.

Улыбнувшись, он прибавил:

– В Лондоне не очень. Здесь лучше.

Опустив визор своего шлема, он запустил мощный двигатель и, махнув рукой, с ревом умчался в направлении Кромера[36], к дороге на Норвич.

После этого я пошел прогуляться до первой будки хранителей. Кричали кроншнепы, встретилось несколько болотных птиц – песочники, веретенник, но был ли то большой или малый, я не разглядел и, кажется, видел большого улита. Это не считая уток и лебедей и вездесущих чаек. Их оперение ослепительно сияло в ярких лучах солнца, все выше поднимающегося в голубом с зеленоватым оттенком утреннем небе.

Теперь, когда курьер увез мой паспорт, я ощущал некоторое смятение. Первое решение я принял. Я сделал первый шаг к Антарктике. Теперь я не в состоянии ничего изменить,

[36] Кромер – городок в Норфолке.

пока не заберу паспорт у турагента на Уиндмилл-стрит. И даже тогда я не смогу принять окончательное решение, поскольку должен буду отвезти Уорду его паспорт. Только тогда его, окончательное решение, и можно будет принять, и, стоя там, около будки хранителей, наблюдая за постоянно меняющими направление полета птицами, я выделил два основных вопроса: к чему такая спешка и откуда он взял эти деньги.

Если бы Айрис Сандерби была жива, мне было бы намного легче определиться. Что-то в Уорде было такое… Но я стал думать об изрубленном до состояния неузнаваемого месива плоти и костей теле, лежащем в морге, и память вдруг настолько ярко воскресила эту картину, что я уже не видел гусей, пролетающих в утреннем небе, разгорающегося солнечного сияния, осветившего округу. Если бы я только мог с ней об этом поговорить!

Какая ужасная смерть! Знала ли она своего убийцу? Я встряхнулся, отгоняя от себя гнетущее воспоминание, и, резко повернувшись, пошел домой.

Всего два вопроса, и от его ответов на них, а также от того, как он на них ответит, зависит, поеду я с ним или нет. Если он скажет это мне уже в дороге, то это меня не устроит. Мне нужно вытащить из него причину его спешки до того, как мы пройдем в зал ожидания. Только эти два вопроса, и я смогу что-то решить. Пока это не в моей власти.

Освободившись от необходимости принимать решение немедленно, я занялся обустройством своих дел, поскольку не желал, чтобы кто-то из клиентов пострадал, если я решу отправиться с Уордом. У меня в распоряжении оставалось меньше чем тридцать шесть часов, чтобы все приготовить, и более трудным, чем приведение моего бизнеса в порядок, оказался вопрос, что из одежды взять с собой. Несколько раз я пытался связаться с Уордом. Я хотел точно выяснить, что он подразумевал, говоря о теплой одежде, которая должна быть отправлена. Мне нужен был перечень. Как там с бельем? Перчатками? Я слышал, что большое значение имеет материал, из которого сделаны перчатки, равно как и штаны, носки, специальные ботинки. Однако первые три раза, что я пытался к нему дозвониться, у него было занято, а потом никто не отвечал. Мне бы сейчас очень пригодилась книга Льюиса[37]. Кто-то из читавших говорил, что он в приложении к ней дал список необходимых вещей. К сожалению, в Кромере ее не оказалось, а для поездки в большую библиотеку в Норвиче у меня не было времени.

Было довольно странно собирать вещи и готовиться к отъезду, который, возможно, продлится дольше, чем «Уитбред», но в то же время имея в виду, что я могу вернуться домой в Норфолк уже к вечеру воскресенья. В порыве успеть сделать все дела я более или менее все уладил уже к полудню, и у меня образовались часы полного бездействия. Но позже, когда люди поняли, что меня какое-то время не будет, начались звонки.

Даже моя мать, для которой время не имело большого значения, почувствовала, что я, возможно, буду в отлучке дольше, чем обычно.

– Не забудь про цветочный фестиваль. Я на тебя рассчитываю.

Церковь Св. Маргариты в Клэе, что через долину реки Глейвен смотрит на свое почти что зеркальное отражение в Уайвтоне, – замечательный старинный храм четырнадцатого столетия. Ее построили люди, вывозившие норфолкскую шерсть через Клэй, когда он был настоящим портом, фламандским ткачам по Северному морю. Службы в ней для меня были особенно дороги из-за обнесенного парапетом верхнего ряда круглых с орнаментом в форме пятилистника окон, сквозь которые свет льется внутрь. А когда его украшают пестрой массой великолепных цветов, это настолько прекрасно, что действительно захватывает дух.

– Это мне придется пропустить, – сказал я.

– Нет, ты не можешь. Как же я?

– Я буду по тебе скучать, – ответил я, обнимая ее худые плечи.

[37] Здесь: Дэвид Генри Льюис.

– Не говори глупостей.

Она сбросила мою руку. Она обладала очень независимым нравом.

– Ты сам знаешь, что я имею в виду. Я говорю о цветах. Их так много, и все стоят в ведрах с водой.

– Знаю.

Я помогал ей каждый год с тех пор, как умер отец.

– А еще полив и обрызгивание.

Она сказала мне все это еще раз, когда мы вечером в субботу возвращались от Ледуордов, у которых магазин антикварной мебели в Кингс-Линне. Это у них я брал яхту. По-моему, мама забыла, что Мэвис, жена Мейти, устроила этот обед как прощальный со мной. А потом, когда она увидела мои вещи, сложенные в крошечной прихожей, она расплакалась. Я сказал ей, что еще точно не решил, поеду я или нет, и что в любом случае душой я всегда с ней.

– От души мало пользы, когда дело доходит до ведер цветов, – заметила она. – И Фреда нет…

Она продолжала в том же духе, пока мы поднимались на второй этаж. Она всегда становилась обидчивой, выпив вина.

Пожелав ей спокойной ночи перед ее спальней, я легонько подтолкнул ее внутрь и тихо закрыл за ней дверь. А что еще я мог сделать? И тогда в моей голове откуда ни возьмись выскочил этот древний штамп: «мужчина должен…». Черт! Я не знал, что я должен. Я пока еще не определился окончательно и, ложась спать, не был уверен в том, что вообще когда-либо определюсь, даже если Уорд ответит на те два жизненно важных вопроса.

Я был уже на ногах и ждал у двери, когда к воротам подъехал маленький вольво Шейлы. Свой чемодан и узел со спальником, штормовками и теплой одеждой я еще раньше перетащил к дороге. Тихо закрыв дверь, я пошел по дорожке. Еще не было и шести, утро выдалось угрюмым, с низко нависшими серыми тучами и холодным и сырым северным ветром. Думаю, мать не слышала, как я выходил. По крайней мере, в окнах ее не было видно, когда мы отъезжали.

– Джулиан передает тебе привет и очень надеется, что ты знаешь, что делаешь, – сказала она, широко улыбаясь. – И я тоже.

Шейла – жена Джулиана Твейта, крупная грудастая девушка, которая когда-то была его секретаршей, а теперь иногда печатает на машинке по моей просьбе. «Чтобы не терять навык», – так она об этом говорила и отказалась брать деньги за время, потраченное на это в последние два дня.

– Он уехал на рыбалку, а то отвез бы тебя сам, а я бы еще повалялась.

Солтхаус[38] мы проехали на скорости более шестидесяти миль в час[39]. Дорога была пуста, и к полседьмого мы уже двигались на юг по трассе А140.

Поезд отправлялся из Норвича в семь десять, на вокзал мы прибыли за пятнадцать минут до отхода.

– Билет не забыл? Деньги, дорожные чеки, паспорт заберешь по пути.

Она выставила мой чемодан и узел на дорогу.

– Ты все еще хороший секретарь.

Я улыбнулся ей, и она ответила мне тем же.

– Найди этот корабль, обзаведись клиентурой, и я буду работать у тебя секретарем постоянно, а Джулиан сам справится. О’кей?

Она неожиданно обняла меня и поцеловала прямо в губы.

– Будь осторожен, мой мальчик.

---

[38] Солтхаус – поселок в Норфолке.

[39] Сухопутная миля равна 1609 м. Шестьдесят миль в час – это примерно 100 км/ч.

Сев в машину, она улыбнулась мне и добавила:

– Только не забывай: море Уэдделла – не то же самое, что Норфолкские озера.

Сказав это, она помахала рукой на прощание и уехала. Теперь я остался один. Ее слова напомнили мне о будущем, о риске и возможном вознаграждении, и, когда я сел на поезд, Антарктика приблизилась ко мне еще на один шаг.

Глава 3

Весь путь в Лондон я непрерывно думал, строя различные догадки насчет Уорда. Как он нажил эти деньги? А когда я приехал в офис Крика, выяснилось, что он вовсе не турагент. Он оказался юристом, чего я вовсе не ожидал.

Офис располагался на втором этаже довольно ветхого дома в дальнем конце Уиндмилл-стрит. Лифт в здании отсутствовал, и я весь взмок, пока втащил свой багаж по двум длинным лестничным пролетам. «Адвокатская контора Дж. Крик и Ко» – было написано черными буквами на табличке из матового стекла. Дверь открыл сам Крик, никого другого я там не увидел. Приглашения войти от него не последовало.

– Вы опоздали, – сказал он достаточно вежливо тихим голосом, почти шепотом.

– Поезд опоздал, – ответил я. – В любом случае он должен был прибыть только в девять сорок пять, и мне еще пришлось выстоять очередь на такси.

– Это все не важно, – улыбнулся он.

Крик был лысеющим суетливым невысоким человечком в больших очках в роговой оправе. Не знаю, какой он национальности, наверное, откуда-то из Центральной Европы, но точно не англичанин.

– Подождите здесь, – сказал он, глядя на мой багаж. – Приглядывайте за вещами.

И он исчез за дверью, прежде чем я успел задать ему хоть один из интересующих меня вопросов.

Он вернулся почти сразу же с двумя жесткими конвертами из толстой желтой бумаги.

– Это паспорт мистера Уорда. Распишитесь, пожалуйста, – сказал он, протянув мне один конверт и форму. – Там все визы, все, о которых он просил.

Он дал мне ручку, и я расписался.

– А это ваш. Боливия сейчас недоступна. Но, я думаю, вы, наверное, едете не в Боливию. Объясните это, пожалуйста, мистеру Уорду. Остальное получить было достаточно трудно.

Я начал расспрашивать его, как ему это удалось в столь короткий срок, но он, улыбаясь, покачал головой.

– Не спрашивайте. Все сделано. Остальное не должно вас беспокоить.

Однако вид у него был довольный.

– Мистер Уорд говорил о вас как о турагенте, но вы, я вижу, юрист.

– Да.

Улыбка сошла с его лица, уступив место настороженному взгляду. Он уже стал закрывать дверь, но я всунул в щель свой узел.

– У вас, должно быть, весьма любопытное разнообразие клиентов, – сказал я. – В Сохо так много китайцев, все эти стриптиз-клубы и порновидеосалоны.

– Я имею дело только с артистками, с леди, у которых возникли неприятности, понимаете ли. Китаянок среди них нет.

– Вы имеете в виду проституток?

– Мы называем их артистками. Им так нравится. Большинство из них когда-то выходило на сцену.

Он глянул на наручные часы.

– Теперь, мистер Кеттил, прошу прощения. Я сегодня утром пришел только ради вас. Передайте привет мистеру Уорду и скажите, что в любое время…

Выпихнув мой узел, он кивнул и, снова улыбаясь, закрыл дверь и запер ее на замок.

Я вышел на улицу и потащил свои вещи к станции метро «Площадь Пикадилли», думая о том, что его клиентуру, наверное, составляют не только проститутки, но и шантажисты,

или, возможно, он сам занимается шантажом. Другого объяснения тому, что он получает визы так же умело, как фокусник вынимает зайцев из шляпы, я найти не мог. А если он шантажист, то кто тогда Уорд? Размышляя об этом по пути в Хитроу, я пришел к заключению, что его основной деятельностью вполне может быть шпионаж.

В аэропорту мне предстояло ждать еще час, а поскольку у меня не было билета, я не мог зарегистрироваться и сдать багаж. Я купил газету и засел за нее с чашкой кофе, дожидаясь того часа, на который Уорд назначил мне встречу. Я досидел до половины второго, но его все еще не было. Минуты неустанно убегали одна за другой, пока я стоял у стоек, глядя на бесконечный поток регистрирующихся пассажиров. Я уже начал подозревать, что он вообще не появится. Настроившись на трудности экспедиции, которая могла стоить мне жизни, я, наверное, так взвинтил себя, что теперь даже испугался, как бы он не бросил всю эту затею.

И вдруг Уорд объявился с носильщиком и горой багажа. А еще с ним была женщина. Этого я не ожидал.

– Миссис Фрейзер, – сказал он. – Или просто Кёрсти, моя секретарша.

Он слегка кивнул мне и небрежно улыбнулся. С билетами в руке она встала в очередь к стойке регистрации. Он обернулся ко мне.

– Паспорта с вами?

Я утвердительно кивнул.

– Есть пара вопросов… – начал я.

– Позже.

Он взял конверт, который я ему протянул, разорвал его и быстро пролистал страницы паспорта большим пальцем левой руки, проверяя визы.

– Хорошо.

Он сунул паспорт в карман куртки. В это время его секретарша уже отдавала билеты служащей аэропорта, а носильщик складывал на весы его багаж, чемодан за чемоданом.

– У вас лишний вес, – сказала девушка за стойкой.

– Конечно, у меня лишний вес, – осклабился он. – Это у меня с тех пор, как я смог себе позволить хорошо питаться.

Девушка не улыбнулась. Может быть, она уже устала за долгий рабочий день или у нее просто отсутствовало чувство юмора.

– Я имею в виду ваш багаж, – сказала она. – Вам придется оплатить излишек.

Не знаю, какой она была национальности, но ее английский был очень правильный.

– Разумеется.

Он предоставил заниматься этим своей секретарше.

– Нужно отлить перед тем, как зайдем в самолет. Буду через минуту.

– Времени в обрез, – заметил я, и он смешался с толпой, махнув рукой.

Его голова с темными жесткими волосами показывалась то там, то сям, пока он, словно ищейка, выискивал указатель туалета.

Уже объявляли об окончании посадки на рейс в Мадрид, когда он вернулся, и мы поспешили по коридору на посадку. Его секретарша по-прежнему была с нами. Очевидно, она летела с нами в Мадрид, и когда я спросил его зачем, он коротко ответил:

– Бизнес.

Потом, видимо, полагая, что мне нужно кое-что объяснить, он добавил:

– Испания начинает приобретать значение в производственной сфере. У меня там завязались кое-какие отношения. Кёрсти в этих делах знает толк.

Она шла впереди меня, и, глядя на ее стройную фигуру и раскачивающиеся бедра, я не смог сдержаться и сказал:

– Я представляю.

Глянув на меня, он осклабился.

– Это тоже нужное дело, – пробормотал он. – Но и в деловом отношении она умница.

Она обернулась, улыбаясь.

– Пожалуйста, зафиксируйте это в письменной форме.

В ее голосе послышался легкий акцент, но не шотландский, и, хотя светлые волосы делали ее похожей на скандинавов, она была слишком миниатюрной, да и крашеной, вообще-то. Угадать ее происхождение не получалось, и я стал раздумывать об их истинных взаимоотношениях. Та непринужденность в их общении наводила на мысль о давней близости, по крайней мере тайной, и, когда мы вошли в салон самолета, мое место оказалось у прохода, от них меня отделяли два ряда кресел.

То же было и в Мадриде. Я не знаю, куда они уходили, но в отеле при аэропорте я остался один.

– Встретимся завтра на борту. Вылет в четырнадцать тридцать. «Иберия Эйрлайнз».

И с улыбками они оба растворились в толпе, направляясь к выходу. У меня сложилось впечатление, что он избегал оставаться со мной наедине, даже на минуту. Или же они хотели побыть вдвоем в последнюю ночь перед тем, как он отправится в Антарктику?

Сидя в одиночестве в баре отеля с бокалом испанского бренди «Фундадор», я чувствовал себя в состоянии неопределенного ожидания каких-то надвигающихся событий, и меня охватывало ощущение нереальности происходящего. Я взглянул на выданный мне билет – Мадрид, Мехико, Лима, Сантьяго, Пунта-Аренас. А что потом?..

Я заказал еще бренди, и это, похоже, возымело действие – ночью я спал крепко. А утром, когда я пришел в аэропорт, они уже были там.

– Послушайте, мне нужно поговорить с вами до вылета.

Это был мой последний шанс. Я не смог бы оплатить дорогу назад из Мехико, а тем более из Пунта-Аренас.

– Несколько вопросов.

– Позже. Я же вам говорил. Когда взлетим.

– Нет, сейчас.

Он замотал головой, а когда я стал упорствовать, он вдруг наклонился ко мне с жестким выражением лица.

– Позже, я сказал. Мы поговорим об этом позже. Когда будем в воздухе.

Уорд был так близко от меня, что я уловил застарелый запах его пота. Явно у него была бурная ночь, и, когда он отвернулся от меня к своей подруге, я схватил его за руку, внезапно решившись.

– Я не сяду на самолет, если вы мне не скажете, откуда у вас эти деньги и почему вы так торопитесь.

Я ухватился за его увечную руку, и его спрятанная в рукаве лапа сдавила мои пальцы, когда он обернулся ко мне.

– Ваш багаж уже в самолете.

– Мне плевать.

Наконец непреклонность, звучащая в моем голосе, стала ему очевидна.

– Ладно. Я тороплюсь, потому что обеспокоен безопасностью Айрис Сандерби.

Я потрясенно на него уставился.

– Что, черт возьми, вы такое говорите? Она мертва.

– Как раз наоборот, она звонила мне из Хитроу перед тем, как сесть на самолет.

– Какой самолет? Когда?

– Вечером прошлого четверга.

Вечером в четверг, а ее тело вытащили из дока в среду утром!

– Вы говорите, она садилась на самолет?

Он утвердительно кивнул.

– Куда она летела?

– В Лиму.

Айрис Сандерби. Живая! Я не мог в это поверить.

– Идемте, – сказал он, подняв взгляд на табло, где напротив нашего рейса мигали зеленые огоньки. – Нам пора. Я позже объясню.

Он снова обернулся к Кёрсти Фрейзер, давая ей какие-то поспешные инструкции относительно некоего Фердинандо Беранди, потом, склонившись, поцеловал ее.

– Береги себя.

И она, цок-цок-цок, поцокала прочь на своих непомерно высоких каблуках.

– Когда она закончит здесь все дела, – сказал Уорд, – она отправится в Неаполь.

– Зачем?

Он глядел ей вслед, но она не оглянулась.

– При чем тут Неаполь?

Резко обернувшись, он взглянул на меня сверху вниз, как будто не зная, как мне ответить.

– Каморра, – наконец произнес он. – Мне нужно кое-что выяснить, а у нее там есть связи. Кёрсти хорошо знает Неаполь.

– Но ведь каморра – это неаполитанская мафия, разве нет?

– Да.

В его взгляде на меня явно читалось нежелание отвечать на дальнейшие расспросы.

– Не понимаю, – продолжил я. – Вы говорили, что она ваша секретарша, то есть, надо полагать, она едет в Неаполь по вашим делам?

– Говорю же вам, мне нужны ответы на пару-тройку вопросов.

– И она их сможет для вас получить? Каким образом?

Его губы дернулись, в глазах промелькнула веселость.

– Вы плохо знаете девушек вроде Кёрсти.

– Но при чем тут каморра? – настаивал я.

– Потому что многие из них уехали из Неаполя. Помните об этом, когда мы приедем в Аргентину, – прибавил он, поясняя свою мысль. – В начале века страну наводнили толпы иммигрантов, и около трех миллионов из них были итальянцы, в основном с юга страны. Надутые балаболы.

В его голосе послышалось презрение.

– Это бахвальство. Бахвальство заставило Муссолини сунуться в Африку. Из-за него аргентинцы полезли на Мальвинские острова[40]. Галтьери[41] так просто раздувало от бахвальства.

Прозвучало очередное, последнее объявление о посадке, и он резко развернулся.

– Идемте. Нужно поторапливаться на этот чертов самолет.

В его голосе прозвучали нотки неудовольствия, как будто он приступал к делу, которое ему было не вполне по душе. Подхватив сумку, он кивнул мне и пошел на посадку. Я последовал за ним. Теперь он был настолько поглощен собственными мыслями, что пытаться расспрашивать его дальше не было никакого смысла.

Не знаю, чего было больше – любопытства или волнения, закономерно охватившего меня перед лицом чего-то грандиозного, но, так или иначе, я наконец принял решение. Я пройду все это до конца. И определившись, я ощутил удивительное спокойствие. Впереди

[40] Мальвинские острова – то же, что и Фолклендские, стали причиной англо-аргентинского конфликта 1982 года, в результате которого Великобритания сохранила над ними контроль.

[41] Леопольдо Галтьери – аргентинский диктатор, развязавший войну за Фолклендские острова.

был еще долгий путь, и у меня будет предостаточно времени получить ответы на все свои вопросы.

Мы летели первым классом, чего раньше я никогда не делал, так что я был весьма доволен, откинув спинку кресла после еды, слушал музыку в наушниках и попивал бренди. Я испытывал странное ощущение бестелесности, словно это и не я вовсе летел на юго-запад в ослепительно-ярком солнечном сиянии над белым морем облаков. Другой мир, мир, в котором нет забот, мир, в котором ничего не известно о грызущих древесину насекомых или о грибах и сырой гнили.

– Вы не спите?

Мое предплечье сжала стальная рука в перчатке.

– Вы не спите, говорю?

Он склонился ко мне.

– Снимите на минуту эти наушники.

Я так и сделал, и он улыбнулся. То была дежурная улыбка, заставившая меня гадать, что у него на уме. Она не распространялась на его глаза.

– У вас были какие-то вопросы, – сказал он.

Я кивнул, подтверждая.

– Ладно, и у меня есть один вопрос к вам.

Сейчас в его произношении не было и следа акцента.

– Что заставило вас полететь, не получив ответов на вопросы, которые вас беспокоят?

Что меня заставило? Я пожал плечами и покачал головой.

– Айрис Сандерби, наверное.

Снова улыбаясь, он кивнул:

– Да, она очень привлекательная молодая женщина.

– Так она жива?

– Либо она жива, либо человек, звонивший мне вечером в четверг, очень хороший имитатор голосов.

Я подумал о трупе, который мне показали в больничном морге. Если это была не она, то кто тогда? Но он ведь не выдумал это, какой смысл? Его лицо рядом с моим стало предельно серьезным.

– Вы действительно шотландец? – спросил я его. – Или только изображаете?

– Нет. Это мой натуральный выговор. Хотите услышать историю моей жизни? – прибавил он.

Теперь, когда он откинулся на спинку и наполовину прикрыл глаза, его улыбка больше напоминала оскал.

– Ну ладно. С рождения я очутился среди бандитов Глазго.

Он сказал это так, будто этим можно было гордиться.

– Родом из Горбалза[42], мою мать-алкоголичку бросили в огромную новую многоэтажную тюрьму, когда мне было два года. Она была проституткой. Своего отца я вообще не знал. К семи годам меня уже два раза арестовывали. Настоящий маленький хулиган, жил в основном на улице и добывал себе пропитание в районе доков, наблюдая, как их один за другим уничтожают профсоюзы. В конце концов, прячась в сортире спального вагона, я приехал в Лондон и прибился к торговцу с лотка всякой мелочью к северу от Майл-Энд-Роуд.

Какое-то время он молчал, плотно зажмурив глаза, и я подумал, что он, наверное, уснул. Но он снова наклонился ко мне.

– Кларк его фамилия. Звали Нобби. Нобби Кларк. Известный был человек в своем деле. Торговля краденым, как вы понимаете.

---

[42] Горбалз – район трущоб в Глазго.

Выросший на востоке Англии, я мог распознать настоящий говор кокни, и в его речи он постоянно проявлялся.

– Естественно, некоторые вещи были чистыми. Нобби все это перемешивал, и никто его ни разу не поймал. Портабелло-Роуд, четыре утра в субботу – там было его лучшее место. Парни стаскивали барахло к открытию его прилавка, и к шести часам из краденого уже ничего не было. К тому моменту как появлялись полицейские, у Нобби уже было все чисто. Ах ты ж, черт побери!

Он едва не расхохотался, его широко открытые глаза радостно светились от воспоминаний о былом.

– Вы не поверите, чему я научился за те три года, что провел с ним.

Уорд вздохнул.

– А потом, когда мне было уже десять и я уже начал соображать, что к чему, старикан взял и умер. Бог мой! Я его любил, действительно любил. В конце концов, он мне был как отец. Другого ведь у меня и не было.

Он повернулся к окну, глядя мимо меня, и его серые глаза увлажнились от чувств.

– Знаете, Пит, я заплатил за его похороны. Он не оставил для этого денег, и я оплатил его погребение из того, что успел отложить. И вы знаете, что Нобби выкинул? Он оплатил мне это чертово образование. Господи! Я бы убил старого мерзавца, если бы он уже не лежал в могиле.

Неожиданно он расхохотался.

– Правильным парнем был этот Нобби. И вот, вместо того чтобы загреметь в колонию для несовершеннолетних, где я бы познал все премудрости того образа жизни, к которому уже приспособился, я очутился в частной школе для среднего класса, где стал учиться правильному языку, на котором, по мнению бедных наставников с обтрепанными манжетами, говорят лучшие представители английского общества. Вы учились в частной начальной школе?

Я покачал головой:

– Нет, я ходил в государственную школу.

– Ну, тогда вы не знаете, что творили маленькие паршивцы, когда выключали свет. Некоторые из них прикладывались к спиртному, когда я туда попал. В конце концов их, конечно же, ловили, и директор многих сек. Дело было в начале семидесятых. Об этом пронюхали газетчики и подняли шум. «Гардиан» даже выпустил на эту тему передовицу – «руки прочь от юных заблудших бедолаг, они не виноваты». Вина лежит на родителях, государстве, социальных работниках, частных школах и вообще всей системе. Надо ли говорить, что школа после этого закрылась. А я перешел в Итон[43].

Он замолчал, и мне осталось лишь гадать, не сочинил ли он всю эту историю. От акцента не осталось и следа, его английский звучал безупречно.

– Почему в Итон?

– Таково было желание Нобби. Опекуны должны были определить меня в Итон, Нобби не сказал как, и по сей день я не знаю, как они этого добились, но в Итон я пошел. Ну а что?

Улыбаясь, он покачал головой.

– Первый урок, который я усвоил, – никогда не попадаться. Даже опекуны поздравили меня, отмечая примерное поведение, просто образец нравственности. Ну а чего они ожидали? Я не стал портить себе будущее, продавая наркотики в начальной школе, и уж тем более не употреблял сам. Этого я и так насмотрелся. Впрочем, у меня был неплохой маленький бизнес на ворованных автомобильных радиоприемниках. Я их сбывал ничего не подо-

[43] Итон, Итонский колледж – старинная привилегированная частная школа.

зревающим родителям учеников на вручении аттестатов и в дни соревнований, а в середине и в конце учебного года привлекал к посредничеству других ребят.

– Вы это серьезно? – спросил я. – Вы действительно учились в Итоне?

– Именно так. Старик Нобби написал мне письмо, которое попечители торжественно мне вручили в своей конторе в адвокатской палате Грейс-инн. Я тогда там же его и прочел, но не сказал им, о чем в нем говорилось, хотя они и хотели знать, естественно. Полагаю, самое лучшее, что там было и что, возможно, будет и вам интересно, вот это: «Я не хочу, чтобы ты стал таким же мелким жуликом, как я. В Итоне тебя научат, как правильно делать дела. Ты не должен на них попадаться. Вспоминай об этом. Хотя бы иногда».

Он взглянул на меня с самодовольной миной.

– И я не попадался, пока, по крайней мере.

– Значит, вы не выигрывали миллион на тотализаторе.

– Никогда не играл на тотализаторах. Это пустая трата времени для человека, чья жизнь такая же насыщенная, как у меня. После Итона я не стал поступать в университет, а решил немного повидать мир. Попечители оказались слишком строги, чтобы позволить мне использовать деньги, предназначенные на университетское образование, для удовлетворения моей жажды странствий, но если вы воспитывались за прилавком старьевщика в Ист-Энде, то вы на удивление находчивы в том, что касается возможности подзаработать, особенно на границах, а в то время в Европе их было множество, несмотря на Общий рынок[44].

– Таким образом вы его и сколотили? – спросил я его.

– Что? А, миллион.

Он отрицательно покачал головой, снова наклоняясь ко мне и схватив своей клешней мое предплечье.

– Знаете, что я вам скажу? Если бы я полагал, что у меня есть миллион, это бы значило, что я слишком занят подсчитыванием своих денег, чтобы раскошеливаться на экспедицию в море Уэдделла. Я не знаю, сколько имею. У меня четыре здоровенных дальнобойных грузовика, перевозящих грузы через Турцию на Ближний Восток и в Персидский залив. Я торговец, видите ли. Все мои деньги в деле.

– А как же тот чек…

– Какой чек?

И, когда я напомнил ему о вырезках из газет, которые он показывал нам на «Катти Сарк», он расхохотался и сказал:

– Любое рекламное агентство с графическим отделом легко справится с такой мелочью. Мне нужно было что-то наглядное, понимаете, нечто такое, что можно показать людям и что вызовет их доверие, но в то же время не покоробит их представлений о нравственности. Если бы я сказал, что перевожу оружие, занимаюсь незаконной торговлей с арабами, иранцами, израильтянами, всякими бандитами, пользуюсь услугами сомнительных посредников, никто не стал бы иметь со мной дела. А выигрыш на тотализаторе…

Уорд подмигнул мне, и я вдруг представил его в образе букмекера на скачках в безвкусном клетчатом костюме или даже помощником букмекера. У него как раз подходящее для этого лицо – потрепанное и слегка грубое. Но этого не замечаешь из-за энергичности, затмевающей в нем все остальное. Возможно, черты его лица и грубоваты – этот похожий на клюв большой нос, – но благодаря переполняющей его энергии, которая постоянно себя проявляла, в памяти отпечатывался характер этого человека, а не его внешность. Через какое-то время я даже перестал замечать это вздутие на его полупустом рукаве. А когда он улыбался, как улыбался сейчас, его потрепанное лицо обретало живость и сердечность, придававшие ему незаурядное обаяние.

[44] Общий рынок – Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) существовало с 1957 по 1993 год.

– Во мне много всего намешано, не правда ли?

Несомненно, так оно и было, если только все, что он мне рассказал, было правдой.

– Ваша мать и вправду была проституткой?

– Точно.

– И вы никогда не видели отца?

– Никогда.

Думаю, хотя бы часть всего этого он выдумал, и при столь тесном соседстве в салоне самолета казалось несущественным то, что я задал ему два таких личных вопроса.

– Ну и зачем вы мне это все рассказали?

– Понимаете, – сказал он, – я не знаю, где мы в итоге окажемся, сколько времени проведем вместе и что с нами будет. Но это не увеселительная прогулка, и одно можно сказать наверняка: если мы отправимся на этом корабле, который она меня уговорила купить, в Антарктику, вы и я, и миссис Сандерби, и норвежский механик, с которым я не знаком, и тот парень, который, как она полагает, видел корабль и которого она считает хорошим штурманом, все мы пятеро будем жить бок о бок в тесном пространстве маленького судна. О вас я все знаю. Я навел о вас справки, да и без того ваш характер написан у вас на лице, мне можно было и не утруждать себя. На вас можно положиться, и, без сомнений, я с вами сработаюсь без проблем. Вопрос в том, поладите ли вы со мной, и я подумал, что, пожалуй, это подходящая возможность для вас узнать кое-что из моего прошлого. Просто для того, чтобы, когда мы окажемся в сложной ситуации, у вас было представление, почему я веду себя так, как, скорее всего, поведу.

Неожиданно он осклабился.

– У меня непростой характер, видите ли. Так что, если есть еще вопросы, – сейчас самое время их задать.

– Конечно есть. Сам собой напрашивается.

– Сандерби? – понимающе кивнул он. – Вы не верите, что она мне звонила. В этом дело?

– Не совсем так. Вы уверены, что не перепутали день? Вы сказали, в четверг вечером.

– Именно так. Она летела в Париж, аэропорт Шарль-де-Голль. Затем в Мехико и в Лиму.

– Вы хотите сказать, что утром в ту среду в Южном доке выловили не ее тело?

– Определенно не ее. А как иначе?

– Но ее сумочка…

– Должно быть, она ее бросила в воду. Это единственное доказательство для полиции, что тело принадлежит ей.

– Она сказала, что сделала это?

– В смысле, бросила сумочку в воду? Нет, она этого не говорила. Это не нужно было, да и вообще речь шла кое о чем другом. Об этом студенте, Карлосе. Она была на взводе, сильно взбудоражена. Как думаете, она принимает наркотики?

– Не сказал бы. Она произвела впечатление достаточно благоразумной.

– На меня тоже. Но у нее был такой возбужденный голос…

Он замолчал, глядя на облачный ландшафт, вздымающийся к западу огромным нагромождением кучевых облаков причудливых очертаний, освещенный с той стороны ярким солнечным сиянием.

– Он красавчик? Вы говорили, что видели его.

Я пожал плечами.

– Он худой, серьезный такой на вид и, да, довольно смазлив, каковыми часто бывают испанцы.

– Итальянцы, вы хотели сказать. Парень итальянец.

– Откуда вам это известно?

– Его мать, Розали Габриэлли, дама с весьма сомнительной репутацией из Неаполя, состояла одно время в респектабельном браке с отцом Айрис, Хуаном Коннор-Гомесом, сыном-плейбоем миллионера, владельца большого магазина. Отец Карлоса – сицилиец Лучано Боргалини. Роберто, брат Лучано, подыскивал Габриэлли мужиков.

Так вот зачем он послал Кёрсти Фрейзер в Неаполь. Но на мой вопрос, что он хотел еще выяснить о Карлосе, он покачал головой.

– Мне ничего больше знать о нем не надо. Дело в его дяде, Марио Ангеле Коннор-Гомесе, он меня интересует. Он отпрыск того непродолжительного брака между отцом Айрис и Розали. Я уже собрал приличное досье на него, но мне еще нужно очень многое выяснить из его биографии. Он был среди *Montoneros*[45]. *Ángel de Muerte*[46] звали его, а это скверная репутация. Не исключено, что этот его племянник ничем не лучше. Возможно, это у них семейное. И если они оба убийцы…

Он замолк с задумчивым видом.

– Некоторые женщины любят играть с огнем. Так что, если она нимфоманка, а вы не забывайте, что между ними в некотором смысле родственная связь, если эта ее энергичность простирается и в область секса…

Приподняв бровь, он не стал развивать мысль дальше. Он намекал на ее неодолимое влечение к Карлосу и на то, что она получает кайф от мысли о его возможном аресте полицией по подозрению в ее убийстве.

– Вы думаете, он собирался ее убить?

Уорд пожал плечами.

– Скорее соблазнить. Если его дядя поручил ему вытащить из нее, почему она так решительно взялась за организацию экспедиции для поиска этого корабля. А это, – прибавил он, – наводит на мысль, что у нее есть какой-то свой интерес к этому судну, а не только желание доказать правоту ее мужа.

– И она летела в Лиму?

– Да, это по пути в Пунта-Аренас.

– Но она ведь могла долететь до Буэнос-Айреса, и оттуда дальше. Так было бы быстрее.

– Да, быстрее. Но я предполагаю, что она отправилась в Лиму, чтобы поговорить с дядей мальчишки.

– Зачем?

– Возможно, там соблазнение с обеих сторон.

Он сказал это, медленно произнося слова, и в его глазах промелькнула веселая усмешка.

– Может, он выболтает что-нибудь такое, что ей нужно знать. Лежа в постели после любовной связи, люди говорят вещи, которые в другое время не сказали бы, я прав?

Вспыхнувшее от его слов в моем сознании эротическое чувство напомнило мне о проскочившей между нами в тот день на «Катти Сарк» искре, когда она шла мне навстречу и наши взгляды встретились.

– Я в это не верю, – пробормотал я. – Она не производит впечатления подобного человека…

– Нет? Я часто думаю о том, – задумчиво проговорил он, – почему женщины всегда западают на самых плохих мужиков. Дело не в размере их органа. По крайней мере, мой опыт говорит об обратном. Я этим наделен довольно щедро…

– Молодец, парень!

---

[45] Montoneros – «монтонерос», аргентинские партизаны левого толка, действовали против диктаторских режимов с 60-х по 80-е гг. XX в.

[46] Ángel de Muerte – ангел смерти (исп.).

Спереди нас поднялся мужчина и склонил над нами грубое морщинистое лицо.

– Но тут этим не размахивай – напугаешь стюардесс.

Он подмигнул нам и, кивнув, вышел в проход и неспешно двинулся в направлении туалетов.

– Чертовы австралийцы! – проворчал Уорд.

Потом он что-то сказал о женщинах, норовящих переделывать мужчин в соответствии со своими желаниями.

– Это объясняется стремлением, лежащим одновременно и в нравственной плоскости, и в эмоциональной, связанным не столько с сексуальной стороной, сколько с желанием проявлять власть, женскую власть над мужчиной.

Вспоминая ее целеустремленность и энергичность в поисках средств для экспедиции, я подумал, что такая мотивация намного более вероятна. Но когда я сказал ему это, он рассмеялся и замотал головой.

– Не будьте таким легковерным. Нет, я согласен с вами, что она одержима идеей поисков этого судна, но я все же уверен, что есть нечто большее, чем необходимость доказать, что ее муж был прав. Это потому что вы такой, какой есть, – продолжил он, – вы предполагаете в других такую же прямоту и благоразумие. Что вы знаете о женщинах?

И когда я принялся возражать, он сказал:

– Итальянских женщинах. У этих девушек гены скрещены с генами проститутки. Да, проститутки, – повторил он, когда я спросил, о чем он, черт возьми, говорит.

Немного помолчав, он сказал:

– Ладно, посмотрим, что у Айрис Сандерби сложится с Марио, этим ангелом. Или она его съест, или он ее, и если бы мне пришлось на кого-то поставить, то, имея в виду его репутацию…

Он пожал плечами.

– Поэтому я так тороплюсь поскорее попасть в Лиму. Я хочу захватить ее в отеле, прежде чем это сделает он. Кстати, Айрис Сандерби до того, как она вышла замуж, носила имя Айрис Коннор-Гомес. Гомес.

Второй раз он повторил фамилию медленно, словно смакуя.

– Как и Ангел. Нужно выяснить, является ли Хуан Коннор-Гомес и его отцом тоже. Его мать почти наверняка Розали Габриэлли. Она была певичкой в кабаре «Голубой Дунай» в Буэнос-Айресе.

Потом он замолчал и, откинувшись в кресле, допивал свой бренди. Я попытался выудить из него еще какие-нибудь подробности, но он покачал головой.

– Розали Габриэлли родом из Катании, что на Сицилии, но росла в Неаполе. Она туда вернулась, когда Хуан ее бросил. Это почти все, что я знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.